

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ОДЕРЖИМОСТЬ

В мире
продано более
50 миллионов
экземпляров
книг Питера
Джеймса!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Питер Джеймс

Одержимость

«Азбука-Аттикус»

1988

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Одержимость / П. Джеймс — «Азбука-Аттикус»,
1988 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-13932-9

Потеря единственного сына переворачивает жизнь Алекс и лишает ее покоя. Ей все время мерещится, что он где-то рядом. В доме творятся необъяснимые вещи, и рассудок Алекс, успешной, образованной, привыкшей мыслить рационально, отказывается воспринимать происходящее. Напуганная женщина обращается к медиуму. На спиритическом сеансе приоткрывается завеса над тайной рождения Фабиана, которую Алекс хранила много лет. Однако на вопрос, кто же его настоящий отец, она и сама не знает ответа. Оказывается, ей вообще мало известно о личной жизни Фабиана. И Алекс решает узнать всю правду о своем сыне, который будто взывает к ней о помощи из мира теней.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13932-9

© Джеймс П., 1988
© Азбука-Аттикус, 1988

Содержание

1	7
2	11
3	15
4	18
5	22
6	27
7	32
8	40
9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Питер Джеймс

Одержимость

Посвящается Джорджине

*Жизнь всего лишь сон, чьи образы порой
Вновь посещают нас: одни тревожат часто,
Другие – редко, ночью или днем,
А иногда и днем и ночью...*

Джеймс Томсон

Peter James

POSSESSION

Copyright © 1988 by Peter James/ Really Scary Books Ltd.

All rights reserved

First published in 1988 by Orion, London

© Г. Крылов, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Прожив несколько лет в США, Джеймс вернулся в Англию и... взялся за перо. Его авторству принадлежат более двух десятков книг, переведенных более чем на 40 языков; три романа экранизированы. Все эти произведения отличает глубокое знание психологии: автор с дотошностью ученого исследует личности полицейских и преступников. Огромным успехом пользуется серия романов о детективе Рое Грейсе: по всему миру продано свыше 30 миллионов экземпляров книг.

Писатель завоевал международное признание в мире литературы: он является лауреатом многих престижных премий за лучший криминальный триллер, в том числе «Алмазного кинжала» Ассоциации писателей-криминалистов, полученного в 2016 году. Однако детективами интересы Питера Джеймса не ограничиваются – его привлекают медицина и другие науки, включая исследование паранормальных явлений. Джеймс приглашен консультантом в полицию Суссекса как редкий знаток приемов криминалистики.

Писатель живет на два дома: в Ноттинг-Хилле (Лондон) и Суссексе, неподалеку от Брайтона. Он обожает своих домашних питомцев и коллекционирует автомобили.

Питер Джеймс по праву занимает литературную нишу между Стивеном Кингом и Майклом Крайтоном.

Mail on Sunday

Грандиозный талант... Джеймс – один из немногих писателей, чьи книги никогда не разочаровывают.

Starburst

Нигде больше не найдешь столь пронзительно точного описания типичного оруэлловского кошмара.

Shivers

В мире фантазий всегда полным-полно всяческих страшилок, однако весь ужас в том, что героиня романа находится в мире узнаваемом, реальном...

Daily Express

Книга держит в напряжении от начала до конца.

Джеймс Герберт, автор «Волшебного дома»

1

Тепло роскошной мягкой кровати обволакивало, будто кокон. Фабиан лежал и смотрел в окно сквозь раздвинутые шторы. Красные лучи пронзали рассветное небо – розовое, кровавое.

Он повернулся, посмотрел на спящую девушку рядом. Потом встал и голым прошел к окну, перешагивая через одежду на полу. За окном стоял утренний туман, поднимались клубы дыма от сжигаемых после зимы обрезков виноградных лоз. Как будто убирали трупы после битвы, подумал он. Внезапно Фабиана пробрала дрожь. Его худое, жилистое тело покрылось мурашками.

Он с удовольствием вдыхал воздух, насыщенный утренней влагой и странным животным запахом девушки. Почесался, еще раз посмотрел в окно, чувствуя себя как-то не в своей тарелке.

В дверь раздался осторожный стук, за ним послышался глухой удар.

– Фабиан?

– Одну минуту.

Горло саднило от этой попытки прокричать ответ шепотом. Девушка пошевелилась, простыни зашуршали, как лист на ветру. Потом она снова замерла.

Фабиан натянул джинсы, рубашку без воротника, пуловер. Остальную одежду засунул в сумку, плеснул в лицо холодной водой. Отерся полотенцем, шагнул было к девушке, остановился, взял сумку и, выйдя из комнаты, бесшумно закрыл за собой дверь.

Отто, Чарльз и Генри уже ждали его. Отто, высокий, с крючковатым носом, нависавшим над ртом, гладко зачесанными назад черными волосами, рябоватым лицом, в пальто из ткани в елочку, мешком висевшем на его долговязой фигуре, казался похожим на хищную птицу. Чарльз стоял рядом с ним, потирая руки, смотрел сонным взглядом с обычным своим недоуменным выражением, словно утро подкралось незаметно и застало его врасплох.

– Боже мой, я чувствую себя идиотом. – Он зевнул.

Генри прислонился к машине и стоял, закрыв глаза и засунув руки глубоко в карманы.

– Извините, что проспал, – сказал Фабиан, открывая заднюю дверь «фольксвагена» и вытаскивая скребок.

– А кофе мы не сможем выпить перед отъездом? – спросил Чарльз.

– Давайте где-нибудь по дороге, – предложил Фабиан, проводя резиновой кромкой скребка по лобовому стеклу, матовому от влаги.

Здесь еще стояла темнота. Он посмотрел на черные угрожающие силуэты высоких сосен и холодные серые стены шато. На окна, пытаясь найти то, что с раздвинутыми шторами. Ему показалось, что там мелькнуло лицо, и он отвернулся.

– На первом отрезке поведу я.

Чарльз и Генри сели на заднее сиденье, а Отто расположился на переднем пассажирском. Фабиан включил зажигание. С шумом двигатель ожил, застучал, произвел громкий выхлоп, вроде бы схватился, но тут же заглох.

– Потрясно, – сказал Чарльз. – Утро будет совершенно потрясное.

– Да-а, очень неплохое, – сказал Генри своим неторопливым, низким голосом и снова закрыл глаза. – Разбудите меня в Кале.

– Я бы предпочел ехать на юг, а не на север, – сказал Отто, пытаясь застегнуть ремень безопасности. – Что за хрень – никак не могу запомнить, как это делается.

Двигатель затарахтел, потом снова схватился, бешено закашлял.

– Извини, Фабиан, что вытащили тебя, – сказал Чарльз.

Фабиан пожал плечами, подался вперед, включил фары.

– Как она – хорошо подмахивала? – спросил Отто.

Фабиан улыбнулся и ничего не сказал. Он никогда не распространялся о женщинах.

* * *

Девушка с подавленным, опустошенным выражением лица стояла у окна и смотрела, как скрывается в тумане красный «гольф». Осторожно притронулась к левой руке – рука болела адски. Подошла к туалетному столику, села перед ним, уставилась на себя в зеркало. Поморщилась, потом снова принялась разглядывать фиолетовые синяки на груди, царапину на левой щеке, распухший правый глаз и губу, потрескавшуюся, в запекшейся крови. Долго смотрела в глаза своему отражению, не в силах отвести взгляд, потом осторожно запустила пальцы между ног, поморщилась от боли при одном прикосновении.

– Salaud,¹ – сказала она.

* * *

– Как думаешь, на какой паром мы успеем? – спросил Чарльз.

– Если дорога все время будет такой, то доберемся до Кале часа в четыре.

– Ты, Фабиан, везучий сукин сын.

– Везучий?

– Да, везучий.

«Дижон»... «Макон»... «Лион»... «Париж»... Дорожные знаки мелькали один за другим, а Фабиан жал на педаль газа на развязке, ощущая, как вгрызаются в асфальт покрышки машины, как сопротивляется рулевое колесо. Слышал резкий рев прогретого двигателя, и захватывало дух от езды по открытой, пустой дороге. Кривая спрямлялась, переходя в магистраль, и Фабиан вдавил педаль в пол, отчего «фольксваген» рванулся вперед. Иногда ему казалось, что машина сейчас оторвется от земли и полетит – прямо к звездам. Он следил за тахометром и переходил на следующую передачу каждый раз, когда стрелка касалась красной зоны, пока не добрался до пятой, после чего кинул взгляд на спидометр, по-прежнему вжимая педаль газа в пол. Сто двадцать пять. Сто тридцать.

– Какие планы на этот семестр? – спросил Фабиан, перекрикивая рев двигателя и ветра.

Отто и Чарльз переглянулись, не понимая, к кому обращен вопрос. Отто вдавил зажигалку в гнездо и вытряхнул помятую сигарету из сплюснутой пачки «Мальборо».

– Я не составляю планов. Никогда.

– А что твои родители? – спросил Чарльз.

– Мои? – переспросил Фабиан.

– Да.

– В норме, – неохотно ответил Фабиан. – По-прежнему врознь. Как твоя мать?

Он поднял руку, покрутил рукоятку и открыл люк. В машину ворвался поток ледяного воздуха и рев, заглушивший ответ Чарльза. Фабиан посмотрел на солнце справа – низкий красный шар, поднимающийся над холмами Бургундии. Благодаря ему нальется соком виноград, а из него сделают вина: великие белые, великие красные. Красные, как кровь. Лет через двадцать он, может быть, откроет бутылочку «Кло-де-Вужо», наклонится к кому-нибудь и скажет: «Я видел солнце, которое теперь в этой бутылке, я был там».

¹ Подонок (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

Снова накатило ощущение неумолимости судьбы. Шар солнца вдруг показался слишком близким. Захотелось открыть окно и оттолкнуть его. Лучи света поиграли на приборном щитке, пробежали по нему, яркие, живые. «Словно свежая кровь», – опять подумал он.

– В этом семестре я попытаюсь научиться играть в крикет, – заявил Чарльз.

– Крикет... – Отто бросил на него странный взгляд. – Возможно, Кембридж – моя последняя возможность поиграть.

– Ты сказал – крикет? – прокричал Фабиан.

– Да! – крикнул ему в ответ Чарльз.

Вдали мелькнуло скопление красных огоньков. Рассвело еще не окончательно, а потому четко разглядеть, что там такое, было затруднительно. Несколько автомобилей собрались в кучу, мигает оранжевый огонек, что-то смещается в среднюю полосу. Фабиан вырулил на скоростную полосу, чуть придавил педаль газа, включил фары.

– Не знал, что ты играешь.

– Я был в основном составе Винчестера.

– В основном составе дрочеров, – усмехнулся Фабиан, на миг повернув голову.

– Кого?

– Дрочеров!

– Фабиан!

Фабиан услышал голос Отто – странный, сдавленный, пресекающийся. Почувствовал, как того передернуло, как он напрягся. Снова устремил взгляд на дорогу.

Прямо ему в глаза бил приближающийся свет фар. Крупные, расположенные высоко ослепляющие фары двигались им в лоб по встречке – по их полосе.

– Грузовик! – прокричал он. – Черт!

Он перебросил ногу на педаль тормоза, понимая, что это лишено смысла – слишком поздно. В мерцании желтых фонарей увидел две последние цифры номера: 75. Париж, подумал он.

А потом он вдруг оказался над «гольфом», посмотрел вниз. Сквозь открытый люк он видел Отто, Чарльза и Генри. Они дергались, как тряпичные куклы. Он смотрел как зачарованный, наблюдал все словно в замедленной съемке. Потом увидел, как «гольф» начал сминаясь, ударившись о передок грузовика, и понял, что это и не грузовик вовсе, а легковая машина – «ситроен», одна из больших старых моделей, внушительная, высоко поднятая над землей.

Сначала смялся капот, потом пошла крыша, затем лобовое стекло словно превратилось в перья – в сотни тысяч перьев, которые запорхали вокруг. Что-то теперь летало в воздухе, какие-то формы, большие и малые. Задние двери «ситроена» открылись – одна внутрь, другая наружу, а сам «ситроен», казалось, развернулся. На заднем сиденье лежали упаковки, которые начали медленно взмывать вверх. Они ударялись о крышу, раскрывались, вылетали маленькие человечки – белые, коричневые, черные. Все пушистые, с раскинутыми руками, они вращались в воздухе в подобии странного ритуального танца. «Плюшевые мишки», – понял он, глядя, как они падают, подпрыгивают, снова падают.

В воздухе пахло бензином – чудовищно резкий запах. Все на секунду подернулось дымкой, словно снизу подсунули матовое стекло. Потом раздался странный глухой хлопок, как если бы взорвалась покрывка, а вслед за этим долетел обжигающий жар. Первыми занялись огнем плюшевые мишки, потом стала отслаиваться краска на машинах.

Фабиан завибрировал от жары, его пробрала непреодолимая дрожь. Он попытался пошевелиться, но не смог. Все теперь подернулось дымкой, которая надвигалась, смыкалась вокруг него.

– Нет, – вдруг сказал он. – Нет! – Он завертел головой как безумный, снова попытался вырваться. – Кэрри! – закричал он. – Кэрри!

Потом он вдруг перестал чувствовать жар. Он снова несся по шоссе. Свет теперь был ослепительно-белым. «Вероятно, солнце взошло слишком быстро», – подумал он, сжимая руль. Почувствовал, как машина набирает скорость. Переключать передачи не требовалось, «гольф» ускорялся сам по себе вне дороги, скользил над поверхностью. Разметка исчезла, исчезли дорожные знаки и всё-всё. Он теперь летел, он мог долететь до звезд! Фабиан потянул рулевое колесо на себя, но машина не набирала высоту, она только бесшумно мчалась через свет к исчезающей точке в белом тумане на горизонте. Он пролетел над обломками дымящейся машины у обочины, потом мимо лежащего на боку автобуса, мимо грузовика с разодранной на две половины кабиной, двух ржавых, брошенных машин, которые сплелись, словно подравшиеся жуки, еще одной машины, в которой сквозь пламя можно было смутно разглядеть горящие фигуры. Свет впереди с каждой секундой ослеплял все сильнее. Фабиан вгляделся. Сиденье Отто было пусто.

– Где Отто?

– Вероятно, выпал, – сказал Чарльз.

– Он только что закурил. Где его сигарета?

– Наверное, взял с собой.

Голос Чарльза звучал как-то странно, словно издалека. Фабиан оглянулся через плечо. Он помнил, что сзади сидят Чарльз и Генри, но уверен не был.

– Чарльз, мы столкнулись с той машиной?

– Не знаю. Кажется.

Слепящий свет обжигал глаза. Фабиан наклонился и пошарил в поисках солнцезащитных очков. Увидел впереди тени в белом тумане,двигающиеся фигуры.

– Réage,² – сказал он. – Мне нужно немного денег.

– Нет, – возразил Чарльз. – Не думаю, что нам потребуются деньги.

Фабиан почувствовал, что машина взмывает вверх, а потом уходит из-под него. Вдруг понял, что повис в белом свете, тот согревал его, и Фабиан устроился в нем поудобнее. Увидел идущие к нему фигуры. Потом он снова вспомнил, и его начало трясти.

– Кэрри! – Он попытался кричать этим фигурам, но никаких звуков произвести не мог. – Кэрри! Ты должна позволить мне. Должна!

Теперь они стояли вокруг него и дружелюбно улыбались, радуясь встрече.

² Плата за проезд (*фр.*).

2

Официант налил на один дюйм «Шамбертена» в бокал Дэвида, потом отошел и замер неподалеку. Дэвид посмотрел бокал на тусклый свет, покрутил вино, чтобы растеклось по стенкам, вгляделся в винные слезы – в то, что осталось на стенках, когда вино осело. Втянул запах носом, нахмурился, опрокинул содержимое бокала в рот, шумно побулькал, потом начал жевать его, словно это было не вино, а кусок стейка. «Не выплевывай его назад, господи боже, не выплевывай, – твердила Алекс про себя, – видеть не могу, когда ты выплевываешь».

К ее облегчению, муж кивнул официанту, и пытка закончилась.

– «Шамбертен» семьдесят первого года, – гордо проговорил он, словно сам его и изготовил.

– Вот как. – Алекс попыталась изобразить заинтересованность, прикинуться, будто она и правда способна оценить хорошее бургундское вино, хотя на самом деле не могла отличить бургундское от кларета и сомневалась, что когда-нибудь научится. – Спасибо, очень приятно.

– Ты сегодня как-то формально изыскаешься. Я будто пригласил на чай незамужнюю тетушку.

– Извини, я попытаюсь не говорить формально.

Она посмотрела на его загрубевшие руки, на его короткие пальцы, красные, словно с них ободрали кожу, с черными полосками грязи под ногтями. На его поношенный твидовый костюм и потрепанную шерстяную рубашку. Это часть его нового образа? Или же ему и в самом деле все равно? Лицо загорелое, расслабленное, слегка обветренное – типичный сельский житель. Волосы растрепаны, борода торчит кустом.

Он поднял бокал, наклонил в ее сторону:

– Твое здоровье.

Она взяла свой, они чокнулись.

– Ты знаешь, почему люди чокаются? – спросил он.

– Нет.

– Ты можешь видеть вино, обонять, осязать его, вкушать. Но услышать его не можешь! Поэтому люди чокаются – чтобы задействовать все пять чувств.

– Ты так на всю жизнь и останешься рекламщиком. Это у тебя в крови. – Алекс улыбнулась, достала сигарету. – А как насчет телепатии? Ты можешь общаться с вином?

– Я с ним все время общаюсь. Даже разговариваю с моими лозами.

– И они тебе отвечают?

– Они не очень болтливы. Я думал, ты бросила курить.

– Я бросила.

– Вот что с тобой делает Лондон. Пожирает тебя, сбивает с толку. Ты начинаешь делать то, от чего отказалась, и не делаешь того, что себе обещала.

– Делаю.

Он кивнул, неохотно ухмыляясь:

– Да. Возможно.

Алекс улыбнулась и вскинула брови.

– Выглядишь ты очень соблазнительно.

Она покраснела: никогда не умела принимать комплименты.

– Спасибо, – чопорно ответила она.

– Ну вот, опять старая тетушка.

– А что бы я должна была ответить, по-твоему?

Он пожал плечами, понюхал вино.

- От Фабиана есть известия?
- В последние дни – нет. Он завтра приедет.
- А когда возвращается в Кембридж?
- На выходных.

На лице Дэвида отразилось огорчение.

- Что случилось?

- Я надеялся, он приедет на выходные. У нас посадки.

Алекс откинула с лица выбившиеся пряди светлых волос. Не без раздражения: ей не нравилось говорить о Фабиане, и, кажется, Дэвид это заметил.

– Знаешь, дорогая, – сказал он, – то, что мы теперь врозь... это такая глупость... Неужели мы не могли бы...

Она еще не успела ответить, как он почувствовал, что уперся в стену.

Алекс помяла сигарету в пальцах, покатала ее туда-сюда, потом несколько раз щелчком стряхнула пепел в пепельницу, положила сигарету на край.

– Дэвид, я много думала обо всем этом. – Сигарета упала на розовую скатерть, и Алекс снова взяла ее, затерла остаток пепла на скатерти пальцем. – Я хочу развода.

Дэвид раскрутил вино в бокале, делая это на сей раз как-то нервно, отчего несколько капель выплеснулось ему на руку.

- У тебя кто-то есть?

- Нет.

Она снова смахнула волосы с лица. «Слишком поспешно», – подумал он, пытаясь прочесть ее мысли по румянцу, по выражению голубых глаз, уставившихся в скатерть. Господи, до чего же она была красива. Уверенность в успехе и сопутствующая этому жесткость изменили Алекс в лучшую сторону. Теперь притягательность и красота превосходно уравновешивали друг друга.

- Тебе совсем будет невмоготу, если я останусь?

Она отрицательно покачала головой:

- Нет, Дэвид, я не хочу, чтобы ты оставался.
- Но это мой дом.
- Наш дом.

Он отпил еще вина, снова понюхал его, раздраженно, разочарованно.

- Я поеду в Суссекс.

* * *

Дэвид высадил ее на Кингс-роуд в верхней точке тупика.

- Я тебе позвоню, – сказал он.

Она кивнула, прикусила губу, прогоняя нахлынувшую грусть.

- Будет мило с твоей стороны.

Алекс хлопнула дверью заляпанного грязью «лендровера», отвернувшись и торопливо пошла по улице мимо шикарных дверей таунхаусов в стиле Регентства, шурясь от дождя и слез. Бросила пальто на вешалку, прошла в гостиную, беспокойно зашагала по комнате. Посмотрела на часы. Половина двенадцатого. Она была слишком взволнована, чтобы уснуть.

Открыв дверь под лестницей, она спустилась по узкому проходу в подвал, убрала заслонку, защищающую от света, погрузилась в знакомые запахи химикалий в проявочной. Закрыла за собой дверь; щелчок замка прозвучал, как пистолетный выстрел. Она вдруг остро почувствовала тишину, царящую здесь, и на мгновение подумала, уж не переносится ли шум светом. Если ты блокируешь свет, то не блокируешь ли тем самым и звук? Она прислушалась

к тем звукам, что производила сама – дыхание, шелест блузки. На мгновение почувствовала себя незванным гостем в собственном доме.

Она включила подсветку в просмотрном столике, сняла пленку с негативами с сушилки, положила на столик. Внимательно присмотрелась к одному из кадров – здоровенному черному трубчатому объекту с двумя обращенными к ней головами.

Алекс разрезала пленку на четыре части, положила их на устройство контактной печати. Включила красный фонарь, взяла из коробки лист фотобумаги, засунула в печатное устройство. «Тысяча один, тысяча два, тысяча три...» Досчитала до пятнадцати, потом выключила свет и сунула фотобумагу в ванночку с проявителем. Встряхнула ванночку, резко качнула ее. Лист фотобумаги громко стукнулся о дальнюю стенку.

Сперва виднелось лишь нечто белое на белом, потом появилось что-то смазанное, серебристое. Затем отверстия, далее очертания двух овалов, один ниже другого. Что это такое? Стало проявляться что-то длинное между овалами, и тут она поняла. «Сукин сын!» – усмехнулась Алекс. Начали появляться волоски, а потом и сам фаллос – толстый, дряблый, с обвислой крайней плотью, маленькой щелочкой спереди, наводящей на мысль об уродливой усмехающейся рептилии. «Это чей же, – подумала она. – Слоновий? Явно не человеческий. На человеческий совсем не похоже».

Она покачала головой, вытащила бумагу из проявителя, бросила в ванночку с закрепителем. Несколько секунд тихонько покачивала ванночку, потом посмотрела на часы и выждала еще сорок секунд. Наконец вытащила лист, опустила его в воду для промывки, снова проверила время. Убрав все, она опять нетерпеливо сверилась со стрелками. Когда прошло пять минут, вытащила бумагу и повесила сушиться. На нее смотрели тридцать шесть фаллосов, вернее, один и тот же, снятый под чуть разными ракурсами.

Направляясь вверх по лестнице, она еще раз усмехнулась. На сердце полегчало, словно она одержала тайную личную победу над Дэвидом.

* * *

Вздрогнув, Алекс проснулась в своей большой кровати и сразу же подумала: уж не проспала ли? Протянула руку, взяла часы. Шесть пятнадцать. Она с облегчением опустилась на подушку и закрыла глаза. Издалека с Кингс-роуд донесся грохот едущего грузовика. Потом раздался щелчок замка – похоже, ее входной двери. Она напрягла слух, но вскоре поняла, что, вероятно, ей послышалось, и закрыла глаза. Еще час сна. Так необходимого ей сна. Легкие саднило, в висках пульсировала боль. Она всегда слишком много курила и пила при встречах с Дэвидом. Разъезд с ним оказался делом непростым. Иногда, думалось ей, даже более трудным, чем продолжение совместной жизни.

Перед глазами в темной комнате промелькнула тень, и вдруг стало холодно. Она открыла глаза и увидела над кроватью Фабиана – совершенно отчетливо, несмотря на темноту.

– Дорогой!

– Привет, мама.

Она уставилась на него – он показался ей взволнованным, возбужденным.

– Дорогой, я тебя не ждала раньше вечера.

– Мне сейчас нужно отдохнуть – ужасно устал.

– Вероятно, ехал всю ночь.

Фабиан улыбнулся:

– Ты поспи еще, мама.

– Поговорим позже, – сказала она и закрыла глаза в ожидании, когда раздастся щелчок закрывающейся двери.

Но никакого щелчка не последовало.

– Фабиан, дорогой, закрой дверь.

Потом она открыла глаза и увидела: дверь закрыта. Недоуменно улыбнулась и задремала.

Казалось, прошло всего несколько секунд, а потом донесся пронзительный вопль попавшего в беду насекомого – взволнованный, настойчивый, набирающий силу. Алекс потянулась к часам, чтобы остановить их, пока они не разбудили Фабиана. Ее рука шарилась по прикроватной тумбочке – ключи, книга, стакан воды, жесткая чешуйчатая обложка «Филофакса».³ Пронзительный, настойчивый визг продолжался; она полежала несколько секунд в ожидании – пусть прекратится сам, потом вспомнила, что ждать не стоит: эти замечательные часы на солнечном элементе никогда сами не выключаются, они запрограммированы и будут верещать до конца света. Эта мысль вызвала в ней новый всплеск неприязни к Дэвиду. Что за идиотский подарок на Рождество – жестокий, мазохистский. Человек, который отвернулся от городской цивилизации, не должен питать такую любовь ко всяким электронным штучкам.

Алекс натянула тренировочный костюм и тихо, чтобы не разбудить Фабиана, вышла в коридор. Радуюсь возвращению сына, завязывала узелок на память: отменить назначенную на вечер встречу, чтобы они могли побыть вместе, может быть, сходить в кинотеатр, а потом в китайский ресторан. Сын вошел в прекрасный возраст – студент второго курса в Кембридже, начинает ясно понимать, как устроен мир, но еще полон энтузиазма юности. Он был ей хорошим собеседником, товарищем.

Она пробежала обычным маршрутом – по Фулхэм-роуд, вокруг Бромптонского кладбища, – потом забрала с крыльца газеты и молоко и вернулась в дом. Ее немного удивило, что Фабиан не разбросал, как обычно, повсюду в холле свою одежду, да и машины его она не заметила у входа, но, возможно, он припарковался на другой улице. Она поднялась в спальню, чтобы тихонько принять душ и одеться.

Прикинула, разбудить ли его перед уходом, но в конечном счете прошла в кухню и оставила там записку: «Дорогой, вернись в семь. Если ты свободен, можем сходить в кино. Целую. Мама».

Потом посмотрела на часы и заторопилась.

Когда она добралась до парковки на Поланд-стрит, ее настроение ухудшилось. Она машинально кивнула сторожу, въезжая на пандус. Чувствовала: что-то не так, но не могла понять что, а потому обвиняла в своей мрачности Дэвида. Выражение лица Фабиана выбило ее из колеи: он словно скрывал от нее некую тайну. Было ощущение, словно существует заговор, о цели которого не осведомлена только она.

³ Имеется в виду бумажник-органайзер производства фирмы «Filofax».

3

Секретарша положила на стол третью стопку пухлых конвертов. Алекс недоуменно посмотрела на нее:

– Джули, это все сегодняшнее?

Она взяла конверт, неуверенно посмотрела на него. «Миз Алекс Хайтауэр, Литературное агентство Хайтауэр» – было написано огромными, кривыми, словно пьяными, буквами.

– Надеюсь, он не переделал рукопись.

– Только что звонил Филип Мейн – спрашивал, расшифровали ли вы его послание. Возможно, он шутил, но я не очень уверена.

Алекс вспомнила проявленные негативы и усмехнулась.

– Я ему перезвоню, когда разберусь с почтой.

– То есть недели через две.

Алекс взяла канцелярский нож и принялась искать место, свободное от липкой ленты.

– Звонил некто Уолтер Флетчер, хотел узнать, прочли ли вы его рукопись.

– Мне это имя ничего не говорит.

– Он жаловался, что рукопись у вас уже почти неделю.

Алекс уставилась на полки рядом со столом, заваленные рукописями романов, пьес, сценариев фильмов.

– Уолтер Флетчер? А как название?

– «Развитие племенных танцев в Средние века».

– Вы шутите! – Алекс отпила кофе. – Вы ему сказали, что мы не работаем с такой тематикой?

– Я пыталась. Но он, кажется, абсолютно убежден, что его работа станет бестселлером.

Алекс разорвала конверт и вытащила бесформенный комоч схваченных резинкой потрепанных бумаг толщиной в несколько дюймов.

– Это ваше. – Она передала бумаги секретарю.

Та поморщилась, приняв тяжелый пакет. Положила бумаги на стол, уставилась на первую страницу с ее почти нечитаемым шифром орфографических ошибок, вымарываний и подчеркиваний красным карандашом.

– Похоже, в его пишущей машинке не было ленты.

– Нужно во всем видеть хорошую сторону. По крайней мере, это не написано от руки.

Прогудел интерком, и Джули сняла трубку.

– Вас – Филип Мейн.

Алекс помедлила несколько секунд.

– О'кей. – Она нажала кнопку. – Ты спятил, – сказала она. – Совсем съехал с катушек.

Послышалось обычное шмыганье, за ним кашель, неизменно похожий на хрюканье, а за этим долгое шипение: он глубоко затягивался неизменной крепкой сигаретой «Кэпстен», которую то извлекал из усов, то снова заправлял в них желтыми от никотина пальцами – указательным и большим.

– Так ты поняла? – В его низком спокойном голосе слышалось мальчишеское возбуждение.

– Поняла? Что я должна была понять?

Шмыганье, кашель, шипение.

– Это абсолютно новая форма коммуникации, новый язык. Мы эволюционируем от диалога в бессистемную коммуникацию, мутировавшую в киноленту. Больше никто не берет на себя труд говорить, это слишком банально. Мы делаем фильмы, фотографируем, распространяем все это. Диалог слишком императивен – если ты слушаешь диалог, то он не

дает тебе возможности развивать мысли, но когда ты проявляешь чьи-то фотографии, они говорят с тобой... часть твоей души уходит в них.

Алекс посмотрела на свою секретаршу и постучала себя по виску.

– Значит, тридцать шесть фотографий гениталий какого-то животного содержали некое послание ко мне?

Хрюканье, шипение.

– Да.

– До меня они донесли одну мысль: этот фаллос слишком мал.

Джули захихикала.

– «Органы видов».

– «Органы видов»?

– Название. Я придумал название.

– Название чего?

– Новой книги. Мы напишем ее в соавторстве.

Хрюканье.

– Филип, у меня много работы. Пятница – самый тяжелый день.

– Давай позавтракаем вместе на той неделе.

– Я буду очень загружена.

– А как насчет обеда?

– Я думаю, лучше уж ланч.

– Ты мне не веришь. – В его голосе слышалась обида.

– Во вторник. Во вторник я смогу себе позволить короткий ланч.

– Я заеду за тобой в час. Устроит?

– Отлично. Договорились.

Алекс покачала головой и повесила трубку.

– Филип Мейн? – спросила Джули.

Алекс кивнула и улыбнулась:

– Он сумасшедший. Совершенно сумасшедший, но, возможно, он сейчас пишет блестящую книгу. Будет прибыльное дело, если только он ее закончит.

– Ее кто-нибудь будет в состоянии понять?

– Нет. Поэтому она получит несколько наград.

Интерком заверещал снова.

– Да? – сказала Алекс.

– Миссис Хайтауэр, тут пришел полицейский.

– Полицейский?

Первой ее реакцией было чувство вины. Может, у нее есть просроченный штраф за парковку? Или кто-то пожаловался на нее из-за опасного вождения? Нет, исключено.

– И что ему надо?

– Хочет поговорить с вами лично.

В голосе девушки из приемной слышалась настойчивость. Может быть, приход полицейского напугал и ее?

Алекс пожала плечами:

– Попроси его ко мне.

Сотрудник полиции вошел, держа в руке фуражку. Посмотрел в пол, на свои безукоризненно отполированные туфли, потом поднял голову и остановил взгляд чуть ниже края стола. Алекс была поражена молодостью гостя: она ожидала увидеть кого-нибудь пожилого, но полицейский был не старше ее сына.

У него был сплюснутый нос боксера, но мягкие, добрые голубые глаза с застенчивым выражением.

- Миссис Хайтауэр? – вопросительно произнес он, обращаясь к обеим женщинам.
- Это я.

Он скосил взгляд на Джули, потом посмотрел на Алекс, убрал руки за спину, чуть качнулся в одну, в другую сторону.

- Не могли бы мы поговорить наедине?
 - Ничего страшного, моя секретарша давно работает со мной.
- Он посмотрел на Джули, потом снова на Алекс.
- Я думаю, нам лучше поговорить наедине.
- Алекс кивнула Джули, и та вышла, закрыв за собой дверь.
- Миссис Хайтауэр... я констебль Харпер, лондонская полиция.
- Он часто заморгал.

Алекс недоуменно смотрела на него; в его присутствии она чувствовала себя не в своей тарелке.

- У вас, насколько я знаю, есть сын – Фабиан?
- Да.

Ей вдруг стало зябко. Она уставилась мимо гостя на серые крыши, видневшиеся через горизонтальные планки жалюзи. Дождь хлестал по стеклу, оставляя следы, как после слизняка. Мысли заметались.

Полицейский расстегнул верхнюю пуговицу мундира, потом снова застегнул, уронил фуражку, нагнулся, поднял. Взял себя в руки.

- У него красный «фольксваген-гольф джи-ти-ай»?

Алекс кивнула. Что он натворил теперь? Из полиции уже приходили полтора года назад, когда кто-то пожаловался на Фабиана за опасную езду. Она тупо кивнула, когда полицейский зачитал ей регистрационный номер машины.

- Он путешествовал по Франции?

– Да. Катался на лыжах с друзьями... потом поехал в Бургундию... на вечеринку... день рождения дочери приятеля моего мужа.

Полицейский уставился на нее широко раскрытыми глазами. Губы его подергивались, словно по ним пропускали электрический ток. Алекс снова отвела глаза и уставилась на отражение собственного лица в экране текстового процессора на краю стола. Собственное отражение показалось ей каким-то состаренным.

– Нам позвонили из полиции... жандармерии... Макона. Боюсь, там произошел несчастный случай.

Слова поплыли вокруг нее, будто в каждом находился мыльный пузырек; она их видела, слышала снова и снова, в разной последовательности. Увезли. Больницу. В. Обнаружили. По. Был. Но. Что. Прибытии. Мертв. Она почувствовала, как ее колено ударилось обо что-то твердое, потом еще раз. Она уставилась на лицо полицейского. Увидела два лица, потом четыре.

- Хотите чашечку чая?

Она не могла понять, кто это сказал. Он? Она? Она говорила механически, доброжелательно, пыталась быть вежливой, чтобы этот человек не чувствовал себя идиотом, невзирая на ее материнский гнев.

– Прошу прощения, – сказала она. – Но произошла какая-то ошибка, страшная ошибка. Мой сын дома, спит. Сегодня утром он вернулся живой и здоровый.

4

Констебль Харпер удалился, лихорадочно двигаясь и исторгая целое облако столь же лихорадочных извинений. Алекс села, уставилась на плевки дождя на оконном стекле и набрала номер домашнего телефона.

Услышала щелчок – сняли трубку, – а потом глухой рев. Голос уборщицы, едва различимый за ревом, проговорил:

– Не вешайте, пожалуйста. Сейчас. – Послышался щелчок, рев прекратился, снова раздался ее голос. – Очень извиняюсь, ходил выключать пылесос. Дом мисси Айтауа.

– Мимса, это миссис Хайтауэр.

– Мисси Айтауа нет дома, звонить в офис.

Алекс терпеливо выслушала ее, потом снова повторила сказанное, медленно, разборчиво.

– Ало, мисси Айтауа. – Последовала пауза, будто Мимса подыскивала слово в разговорнике. – Как вы поживаете? – уверенно, медленно, торжественно сказала она.

– Отлично, ты можешь позвать Фабиана?

– Миссер Фабиан? Их здесь нет.

– Он спит в кровати.

– Нет, он не спит. Я только что убирать его комната. Вы говорить, он будет вечер, я убрала комнату для него.

Алекс повесила трубку, схватила пальто и вышла в коридор. Сунула голову в кабинет Джули:

– Вернусь через час.

Джули взволнованно посмотрела на нее:

– Все в порядке?

– Все прекрасно, – отрезала Алекс.

Припарковавшись во втором ряду, она побежала вверх по ступеням ко входу в дом. За дверью адски завывал пылесос и сильно пахло полиролем. Она вошла в гостиную и увидела Мимсу, – кланяясь, как клюющая зерно курица, та пылесосила комнату. Алекс бросилась вверх по лестнице, потом по коридору к спальне Фабиана. Постояла перед дверью, тихонько постучала. Открыла дверь. Кровать была аккуратно застелена. Никаких чемоданов, никакой одежды, разбросанной по полу. В недавно проветренной комнате стоял нежилой свежий запах.

Алекс огляделась, посмотрела на странный портрет сына, длинного, как жердь. Он взирал на нее, строго, высокомерно, по-наполеоновски заложив руку за борт пиджака. Глаза были совершенно не его – холодные, жестокие, а вовсе не те дружелюбные, полные жизни, его настоящие глаза. Фабиан подарил ей свой портрет в прошлом году на день рождения, но его подарок выбил ее из колеи. Она пробовала вешать портрет на разные стены и в конечном счете поместила в его же комнате. Теперь при взгляде на него ее зазнобило.

Она заглянула в свободную комнату, потом в ванную, но нигде не обнаружила никаких признаков возвращения Фабиана. Прошла в свою спальню и набрала номер мужа.

– Можно, я тебе перезвоню? – сказал он. – У меня очень срочные дела.

– У меня тоже. – Она сама слышала, что ее голос звучит истеричнее, чем хотелось бы. – Фабиан у тебя?

– Нет, – нетерпеливо ответил Дэвид. – Вчера вечером он собирался на день рождения к дочери Арбуассов. Еще не успел вернуться в Англию.

– Дэвид, происходит что-то очень странное.

– Слушай... я тебе перезвоню через полчаса. Ты у себя в офисе?

– Нет, я дома.

Алекс услышала гудки – все более нетерпеливые. Повесила трубку и поспешила вниз по лестнице. Мимса, увидев ее, подпрыгнула от неожиданности.

– Мисси Айтуа, вы меня испугал.

Алекс бросилась на улицу.

– Прошу прощения! – крикнула она маленькому тонкогубому человеку в большом «БМВ», и водитель, недовольно посмотрев на нее, покачал головой.

Она запрыгнула в свой «мерседес», проехала вперед, потом сдала назад на место, освобожденное «БМВ», после чего вернулась в дом.

– Мимса, ты не видела Фабиана?

Мимса отрицательно покачала головой. Вся верхняя половина ее сутулого тела затряслась, словно была прикреплена к ногам с помощью шарнира.

– Я не видел миссер Фабиан. Они еще не вернулся.

Алекс прошла в гостиную, села на диван, посмотрела на стены абрикосового цвета. Подумала вдруг, как хорошо выглядит комната. А потом неожиданно о том, как это необычно – оказаться утром в будни дома. Посмотрела на вазу с красными розами на столе у двери и улыбнулась. Их доставила «Интерфлора» в день ее рождения три дня назад. Открытка от Фабиана все еще оставалась в букете. Красные розы, его любимые цветы. Он всегда дарил ей красные розы. Она закрыла глаза, снова услышала, как завыл пылесос, набирая обороты до максимума. Звук то усиливался, то ослабевал, по мере того как Мимса без устали таскала его туда-сюда по ковру.

Сегодня утром сын заходил в ее комнату, она видела его. У нее не было ни малейших сомнений на сей счет.

Она услышала, как открылась входная дверь, но решила не обращать внимания: вероятно, молочник, Мимса с ним разберется.

– Мисси Айтауа. – Алекс открыла глаза и увидела взволнованную Мимсу. – Тут полицейский.

Мимса выпучила глаза, почесала плечо большим пальцем.

– Все в порядке, пригласи его сюда.

Горничная уставилась на нее, а Алекс одобрительно улыбнулась и кивнула.

В дверях вновь появился смущенный констебль Харпер. Фуражку он держал в руке, губы у него подергивались, как у кролика.

– Извините, что опять вас беспокою.

Алекс откинула прядь волос с лица и показала на стул. Он сел, положил фуражку на колени.

– Хороший дом.

Алекс кивнула и улыбнулась:

– Спасибо.

– Похоже, у нас проблема. – Он несколько раз перевернул фуражку. – Не знаю, как это правильно сказать. В маконской больнице молодой человек, который попал... гм... в автокатастрофу, мистер Отто... – Он вытащил записную книжку, заглянул в нее. – Так вот, мистер Отто фон Эссенберг говорит, что трое других в машине были мистер Чарльз Хитфилд, мистер Генри Хитфилд и мистер Фабиан Хайтауэр. Он явно все еще в шоковом состоянии.

– Чарльз и Генри Хитфилды?

– Да.

Она кивнула.

– Вы их знаете?

– Да, их родители живут в Гонконге. Чарльз учится в Кембридже с Фабианом. Генри – его младший брат. С ними все в порядке?

Харпер побледнел, посмотрел в пол и отрицательно покачал головой.

– Насколько я понимаю... они погибли. – Он посмотрел на Алекс и снова перевернул фуражку. – Вы сказали, что видели сына сегодня утром.

Алекс кивнула как в тумане.

– Извините, все это очень трудно. – Он снова отвернулся от нее. – Где именно вы его видели?

– Он вошел ко мне в спальню.

– И когда это случилось?

– Около шести. Я, кажется, посмотрела на часы, не уверена.

Он записал ее слова в книжку, рука его подрагивала.

– Около шести.

– Да.

– Здесь?

– Да.

– Но сейчас его здесь нет.

– Нет.

Она почувствовала, как на нее накатывает неизбежное, и прикусила губу.

– Вы не знаете, куда он ушел?

Она отрицательно покачала головой. Говорить становилось все труднее.

– Он что-нибудь вам сказал?

Алекс кивнула:

– Сказал: «Привет, мама». Я ему ответила, что не ждала его так рано, он сказал, что устал и хочет поспать. Он был в своей комнате утром, когда я уходила.

– И вы видели его еще раз?

Алекс заглянула в глаза полицейского.

– Нет, я его не видела, дверь была закрыта, а я не хотела его будить.

– И вы уехали в офис?

Она кивнула.

Он сделал еще одну запись.

– И в какое время вы уехали?

– Приблизительно без четверти девять.

– А когда приходит ваша уборщица?

– Приблизительно в четверть десятого.

– И она сегодня пришла вовремя?

– Сейчас спрошу. – Алекс вышла из комнаты. – Мимса! – позвала она.

Мимса, занятая пылесосом, не услышала ее. Алекс постучала ее по плечу.

– Мимса!

Уборщица подпрыгнула.

– Вы меня второй раз сегодня пугать. У нас кончился «Вим».⁴ Вы забыл?

– Извини, – Алекс кивнула, – постараюсь не забыть.

– Мойщик окон нет пришел. Он ленивый ублюдок.

– Мимса, ты когда пришла сегодня утром? Это очень важно.

– Утром я рано. Без пять девять. Я успел на другой автобус... обычно я на него не успею, потому что готовлю мужу завтрак, а сегодня утром он не завтрак, ходить к доктор на анализ, и вот я успел автобус. Я уйти пораньше тоже, если вы не возражать.

⁴ «Вим» – чистящее средство.

- Конечно. – Алекс кивнула и вернулась в гостиную. – Она пришла без пяти девять.
- Всего через десять минут после вашего ухода?

Алекс кивнула.

– Простите, это может показаться невежливым... но вам не могло померещиться, что ваш сын вернулся... Не могло присниться?

Зазвонил телефон. Несколько секунд она слушала пронзительный звон, и сама обыденность этого звука успокоила ее.

– Слушаю?

– Привет, дорогая, извини.

Ей хотелось, чтобы муж перестал называть ее «дорогая». Она больше не его дорогая, зачем он делает вид, будто между ними все по-старому?

– У меня проходил критически важный эксперимент... я нашел катализатор, который позволит мне делать шардоне не хуже шабли. И оно будет дешевле. Ты можешь себе представить: по-настоящему хороший британский шабли?

– Я в восторге, – безучастно сказала она.

– Я говорю о шабли первого сорта как минимум! Ты хорошо спала этой ночью?

– Да, – удивленно ответила она. – Отлично. Ты нормально доехал?

– Да, без проблем... можешь подождать секунду?

Алекс услышала громкие голоса в трубке.

– Послушай, дорогая, мне нужно срочно в лабораторию... тут возникла небольшая проблема... оно бурлит. Вообще у меня случился такой странный сон... понимаешь, я думал, что это не сон, но получается, ошибался. Я как будто бы проснулся в шесть утра, я мог бы поклясться, что в мою спальню зашел Фабиан. Он сказал: «Привет, папа» – и исчез. Я весь дом обыскал, когда проснулся – был убежден, что видел его. Должно быть, сельская жизнь не совсем идет мне на пользу... наверное, шарики за ролики заходят!

5

Гроб светлого дуба с медными ручками, красные розы на крышке. Солнечные лучи падают через витражное окно. Доброе лицо священника за кафедрой. «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло»,⁵ – прочел он спокойным безмятежным голосом.

Потом гроб стали поднимать; это удалось без труда. В гробу лежал ее сын; как он выглядит, спрашивала себя Алекс. Дэвиду, когда он приехал во Францию, не позволили увидеть Фабиана. Они сказали, он слишком сильно обгорел и узнать его невозможно. Она ощутила цепкую руку Дэвида, который теперь тащил ее. «Должна ли я стоять, – подумала она, внезапно запаниковав. – Должна ли я идти по проходу, когда на меня пялятся столько глаз?» Потом она вспомнила, что здесь друзья, только друзья, и неохотно последовала за мужем, глядя сквозь туман слез, которые пыталась сдержать, из церкви на улицу, в черный «даймлер».

Кортеж остановился перед аккуратным кирпичным крематорием, они вышли на солнечный свет. Остановились, молча понаблюдали, как носильщики вытаскивают гроб из машины. Двое взяли розы и направились с ними за угол, остальные понесли гроб в здание. Поставили на подставку перед темно-синим занавесом. Алекс подошла к гробу, положила на крышку единственную розу. Произнесла тихим голосом, опустив голову:

– Прощай, дорогой.

Потом вернулась и села на переднюю скамью рядом с Дэвидом. Опустилась на колени и закрыла глаза, пытаясь вспомнить какую-нибудь молитву, но ничто не приходило в голову. Здание заполнялось людьми, донеслась тихая органная музыка. Алекс постаралась вслушаться в слова заупокойной службы, но не могла ничего разобрать. Лишь раздался неожиданный щелчок, скользнул в сторону синий занавес, и гроб поехал в открывшееся пространство.

На поминках она чувствовала себя неловко среди скопления людей в собственном доме. Осушила залпом бокал шампанского. Возле уха раздался хлопок вылетающей пробки, шампанское пенилось, лилось через горлышко. Она беспомощно подалась назад вместе с другими. Словно их несла громадная волна.

– Алекс, примите мои соболезнования, – сказала женщина в черной вуали; Алекс не узнала ее.

– Он был хороший парень. Всякую дрянь они не забирают, да?

Алекс достала сигареты. Увидела, как сквозь толпу к ней пробирается Санди. С какой-то безумной прической: черный как смоль пучок, похожий на сноп, скрепленный чем-то вроде вязальных спиц. Алекс невольно отвернулась. Театрально выраженные эмоции Санди ей сейчас будут не по силам. Встретила взгляд Отто – лицо его с заостренными хищными чертами сильно пострадало, все было в рубцах и лейкопластыре.

– Отто, спасибо, что пришли, – сказала она.

Он кивнул, на его лице появилась едва заметная улыбка, перешедшая в жестокую ухмылку.

– Меня об этом просил Фабиан.

Алекс посмотрела на него, но он отвернулся, возвращаясь к прерванному разговору.

Закрыв дверь за последним гостем, она еще раз затянулась, сделала большой глоток из бокала. Хмель ударил ей в голову. От этого и от слов утешения, какими наперебой осыпали ее друзья и семья, она почувствовала себя лучше. В доме задержался только Дэвид – стоял у входа на кухню, прислонившись к стене с бокалом в руке.

⁵ Первое послание к Коринфянам, 13: 12.

– Хочешь, чтобы я остался?

– Нет, Дэвид.

– Я думаю, тебе лучше не быть одной сегодня ночью.

– Нет, я бы предпочла одиночество. Прошу тебя, я должна пережить это так, как я понимаю.

– Почему бы тебе не приехать в Льюис?

– Мне лучше будет здесь.

Дэвид пожал плечами:

– Я так полагаю, ты винишь меня.

– Виню тебя?

– За то, что я купил ему машину.

– Нет. Несчастные случаи бывают со всеми. Не думаю, что другая машина что-то изменила бы.

– Но если бы он не гнал так?

Алекс улыбнулась и отрицательно покачала головой.

Дэвид взял бутылку, наклонил над своим бокалом – в ней почти ничего не осталось.

Он посмотрел на этикетку.

– «Вдова Клико».

– Любимое шампанское Фабиана. Он всегда считал, что это лучшее.

– «Вдова Клико». – Он помолчал, смущенно посмотрел на Алекс и покраснел. Понюхал шампанское. – Выдержка могла бы быть и побольше.

– Извини. Может, если бы ты его попросил, он бы и отложил свою смерть на год-другой.

Алекс прошла мимо него на кухню и включила чайник. Дэвид последовал за ней и нежно обнял.

– Невероятно, – сказал он. – Чтобы нам одновременно приснился один и тот же сон про него. Я думал об этом.

– Это приблизительно в момент его смерти.

– Необыкновенное совпадение.

Алекс открыла банку «Нескафе», насыпала в чашку.

– Ты по-прежнему с сахаром?

– Одну ложку.

– Ты думаешь, это было совпадение? – запальчиво спросила она.

Дэвид посмотрел бокал на свет, внимательно изучая окраску.

– Знаешь, я уверен, оно прежде было желтее. Наверное, они сокращают время выдержки... а может, я и ошибаюсь. Букет отличный.

Алекс сердито посмотрела на него:

– Ты думаешь, это было совпадение?

– Совпадение? – непонимающе переспросил он. – А, да, конечно.

Он перехватил ее взгляд.

– Алекс, неужели ты думаешь, это было что-то другое?

Она пожала плечами:

– Уж очень странно, все казалось таким вправдашним.

– Мы должны поставить в известность Кембридж. – Он поменял тему.

– Я об этом не подумала.

– Позвоню им завтра.

– А я, пожалуй, напишу родителям Чарльза и Генри.

– Напиши.

Они пили кофе, сидя друг против друга.

– Как шардоне?

Дэвид улыбнулся:

– Шаг вперед, два назад – не могу добиться стабилизации. Как твоё агентство?

– Много дел.

– Есть ли какие-нибудь хиты?

– «Антология воинственных песен урду».

– Это то, чего ждет мир?

– Сомневаюсь.

Он вскинул брови:

– Я собираюсь написать книгу о вине.

– Хорошая тема. У меня на столе всего шестьдесят четыре рукописи об этом.

Дэвид встал.

– Ты знаешь, как говорят: шестьдесят пятый – везучий.

Алекс улыбнулась:

– Позвони мне, как доберешься.

– Хочешь, чтобы я позвонил?

– Хочу знать, что ты доехал живой и здоровый.

Она поцеловала его, закрыла за ним дверь и вдруг почувствовала себя очень одиноко.

В коридоре с его мрачными черно-белыми плитками и высоким потолком стояла темнота, и Алекс включила свет. Прошла в гостиную, где висело густое облако дыма с запахом парфюмерии и кисловатым духом шампанского. Раздвинула занавески на эркерном окне, выглянула на улицу. Чистое небо тускло, приобретая сумеречный оттенок. Опять вспомнились странные слова Отто: «Меня об этом просил Фабиан».

Неожиданно за спиной возникло ощущение какого-то движения. Стало страшно – такого страха она еще не испытывала никогда в жизни. Пробрала дрожь, кожу закололо. Показалось, что стены смыкаются вокруг, захотелось замолотить кулаками в окно, закричать, попросить о помощи, но не было сил двинуться.

Краем глаза она заметила, как позади нее со стула поднялась какая-то тень.

– Дорогая, извини, я, кажется, задремала, – сказала тень.

Вздрогнув, Алекс оглянулась и увидела Санди.

– У меня такое эмоциональное потрясение от всего этого... и я, понимаешь, принимала транквилизаторы, которые несовместимы с алкоголем. – Санди зевнула, потянулась. – Что, все ушли?

– Да, – вполголоса ответила Алекс. Она включила лампу на столе, и, когда в комнату вернулся свет, теплое сияние успокоило ее. – Ты меня напугала.

– Извини, дорогая.

Санди моргнула, потом провела пальцами по копне черных волос, поправила пару длинных, как вязальные спицы, шпилек в причёске.

– Хочешь кофе? – с облегчением спросила Алекс, радуясь тому, что она не одна, пусть это всего лишь Санди.

– Не откажусь. Ты что сегодня вечером делаешь?

– Ничего.

– Ты что... собираешься оставаться здесь одна?

Алекс кивнула:

– Хочу побыть одна.

– Нет, дорогая, это невозможно. Не сегодня.

– Ничего. Предыдущие ночи я оставалась здесь одна. Я не против.

Они прошли в кухню. Алекс вдруг обнаружила, что с необычайной остротой воспринимает все предметы в доме – словно пришла в музей. Вот аскетичный портрет прадеда

Дэвида в форме кавалериста. «У Фабиана его глаза», – хвастливо говорил Дэвид, а она всегда уходила от этого разговора – не имело смысла разочаровывать его, рассеивать заблуждение. Она одна знала, что Фабиан ничего не унаследовал от Дэвида, ни одного гена; в этом состояла ее тайна, и она хранила ее целых двадцать два года.

– Ужасно, – сказала Санди. – Все это. Там были и еще два парня, и они...

– Братья, – кивнула Алекс. – Чарльз и Генри Хитфилды.

– Кошмар. Сущий кошмар. Как это ужасно. Грузовик на встрече, да?

– Легковушка.

Санди нахмурилась:

– Я уверена, что в газетах писали про грузовик.

– Да, писали. Они ошиблись.

– Пьяный француз?

Алекс кивнула.

– Как можно оказаться на встрече на шоссе? Это сколько же нужно выпить?

Щелкнул чайник.

– Дорогая, ты знаешь что-нибудь об этом человеке?

– Нет, по большому счету ничего. Судя по всему, поссорился с женой и бросился вон из дома. Пил всю ночь, у него бизнес накрывается. Мягкие игрушки или что-то в этом роде. – Алекс пожала плечами. – Дэвид лучше знает.

– Какой ужас.

Алекс принесла чашки в гостиную, они сели. Голова у нее начала болеть, и она закрыла глаза.

– Я думаю, дорогая, тебе нужно поговорить с медиумом. – Санди глядела в чашку, тщательно размешивая последние крупинки сахара.

– Медиумом?

– Да.

– Нет, Санди, это не для меня. Я, к сожалению, не верю в такие штуки.

– А я думаю, веришь.

– Ты так считаешь? – недоуменно переспросила Алекс.

– Ты христианка, значит веришь в жизнь вечную.

– Сомневаюсь, что верю.

Алекс окинула взглядом Санди. Не женщина, а комок нервов: сидя напротив, та пыталась вставить сигарету в длинный мундштук, но для нее это было не легче, чем продеть нитку в игольное ушко. Алекс знала ее со школы: это была чокнутая, но добрая девчонка, а теперь трижды разведенная женщина, наркоманка, алкоголичка, последовательница христианской науки,⁶ вегетарианка, которая медитировала под руководством Махариши Йоги,⁷ опробовала почти все существующие в мире религии и превратила свою жизнь в самый жуткий кошмар, какой только возможен. И эта женщина пытается давать ей советы.

– Дэвид сказал мне, что Фабиан приходил к нему в утро его смерти. И что к тебе он тоже приходил.

– Нам привиделся одинаковый сон.

– Сон? – Санди отрицательно покачала головой. – Никакой это не сон, дорогая, он приходил повидаться с тобой. Такое часто случается.

– Ты это о чем?

⁶ Христианская наука – ряд верований и практик, связанных с одним из метафизических религиозных движений, согласно которому болезнь – это иллюзия и для излечения достаточно молитвы.

⁷ Махариши Махеш Йоги (1917–2008) – индийский гуру, автор книг по ведической философии.

Санди уставилась на нее. Ее тонкое изможденное лицо когда-то было таким красивым, но теперь поблекло. Громадные голубые глаза напоминали заброшенные пруды.

– У всех нас есть духи-наставники, дорогая, они приглядывают за нами, но не всегда. Если кто-то неожиданно умирает, когда дух-наставник не ожидает этого, они могут утратить контакт, и дух умершего может потеряться, бродить по миру без присмотра. Возможно, именно это и случилось с Фабианом. Поэтому вы оба и видели его – он пытался сориентироваться.

Сделав глоток кофе, Алекс посмотрела на подругу со смесью презрения и жалости.

– Ты думаешь, я свихнулась, дорогая, да? – продолжала та. – Что я превратила свою жизнь в кошмар? По твоим меркам, может, так и есть, но у меня много других жизней, и среди них есть очень счастливые. В этот раз меня отправили назад, чтобы я научилась лучше справляться со штормами. Я – старый дух, дорогая, закаленный, а ты – нет, я это сразу вижу. Ты молодой дух, и ты должна принять мою помощь. Вот для этого-то я и здесь: чтобы помогать другим.

Алекс тряхнула головой. Внезапно она ощутила усталость, словно в комнату набилось слишком много людей и они ее стесняли. Захотелось выбраться отсюда, выйти за дверь, прогуляться по улице.

– Может быть, сон был телепатическим, – сказала она. – Такое случается, правда?

– Случается, дорогая... такое часто случается в мире духов, но почему? Мы мало знаем о телепатии, не больше, чем о духах. Я думаю, он пришел к тебе, потому что нуждался в помощи.

– В какой помощи?

– Может быть, сейчас у него все хорошо, дорогая, он, возможно, воссоединился со своими духами-наставниками, они могли подобрать его. Но если нет, то не исключено, что он так и бродит, потерянный.

– И долго он будет бродить?

– На той стороне время течет иначе, дорогая. Это может длиться вечность. Твой долг перед Фабианом – убедиться, что с ним все в порядке, а если нет – помочь ему.

– Как?

– Встретиться с медиумом. Он разберется, что к чему. Если ты решишься на это, дорогая, то, по крайней мере, будешь знать: ты сделала все возможное. Я могу тебя познакомить с одним медиумом – лучше не найдешь. – Санди помолчала, затянулась через мундштук, выдула облачко дыма, прогнала его ладонью. – Ты не веришь ни одному моему слову, дорогая, да?

– Не верю. – Алекс покачала головой. – Извини, но нет.

6

Внезапно Алекс проснулась от испуга. В комнате пульсировал свет. Волоски на коже встопорщились, и она побоялась открыть глаза; напротив, зажмурила их еще сильнее, чтобы не открыть случайно. Она ждала. Она чувствовала: в комнате что-то появилось.

Потом она увидела простой деревянный гроб, красную розу; неожиданно ее лицо запылало. Она ощутила пары бензина, потом жар. Ее лицо горело. Дыхание сбилось, она задыхалась, колени под одеялом стукались одно о другое. Глаза Алекс широко распахнулись. Комнату заполнил зеленый пульсирующий свет, который поначалу расплывался, но потом обрел очертания. Четыре нуля. Они то гасли, то загорались. Жар спал, и теперь она ощущала только холод. Страх тоже пошел на убыль.

Алекс посмотрела на часы – четыре мигающих нуля. «Полночь», – подумала она. Оглядела комнату, различила знакомые очертания предметов. В детстве она боялась темноты, всегда спала со включенным светом, но этот страх прошел много лет назад, задолго до замужества.

Нули продолжали мигать.

Она включила прикроватную лампочку – комната выглядела нормально, и все в ней было как всегда. Никаких необычных звуков. Издали донесся шум грузовика, рассекающего лужи на Кингс-роуд; похоже, шел дождь. Она взяла свои наручные часы – они показывали пять, но четыре нуля продолжали мигать. Потом она вспомнила, что такое уже случилось как-то раз с ее прежними часами: вырубилось электричество и они обнулились. Она принялась ощупывать кнопки, пытаясь вспомнить, как устанавливается время, смотрела на мигающие нули усталыми глазами, напрягала зрение и дрожала от холода. Почти нестерпимого.

Встав с кровати, Алекс подошла к окну. Раздвинула тяжелые шторы, высунула наружу руку. Воздух был теплый, мягкий, и она в недоумении задержала руку. От ее дыхания клубился пар, и она удивленно вскрикнула: волоски на шее снова встали дыбом. Она еще раз бросила взгляд на улицу – на припаркованные машины, на сияние уличных фонарей; все было тихо, обыкновенно. Скрип половицы под ногой заставил ее подпрыгнуть. Потом она вернулась в кровать, натянула на себя одеяло и закрыла глаза, но холод, леденящий холод по-прежнему донимал ее. Она сняла телефонную трубку, послушала пронзительный гудок, прервавший тишину, потом набрала номер, который могла набрать и в темноте, стала ждать.

Первый гудок, второй. «Пожалуйста, отзовись!» Третий, четвертый. «Ну отзовись, пожалуйста», – прошептала она.

– ЫЫЫ? – раздался ворчливый ответ.

Ее охватило теплое чувство облегчения.

– Дэвид? – Она все еще говорила шепотом.

Снова неразборчивое недоуменное ворчание.

– Извини, что разбудила тебя.

– Алекс?

– Ты спишь?

– Р-р-да.

– Ты мне не позвонил.

– Не позвонил? – Судя по его голосу, он еще не до конца проснулся.

– Ты обещал позвонить, когда доберешься до дома. Я волновалась.

– Который час?

– Полшестого.

Наступило молчание, потом она услышала шуршание простыней.

– Я думал, на самом деле ты не хочешь, чтобы я звонил.

Она слушала его голос – дружелюбный, веселый, утешающий. Это было почти как разговаривать с плюшевым мишкой.

– Я волновалась за тебя.

– Я в порядке. Ты как себя чувствуешь?

– Не очень. А ты?

– Ужасно. Вот ведь гнусность какая. Все время думаю об этом другом водителе, об этом ублюдке.

– Перестань.

– Если бы он остался живым, я бы его убил.

– Перестань.

– Извини.

– Я переживаю за Отто и братьев Хитфилд.

– Ну, Отто, по крайней мере, жив, – сказал он.

– Ему, наверное, очень нелегко принять то, что он выжил.

– Не нужно было мне покупать Фабиану машину.

– Ты ни в чем не виноват, дорогой; ты всегда был так добр к нему.

– Нужно было купить что-нибудь не такое резвое.

– Едва ли это что-то изменило бы. Ладно, давай спи дальше. Извини, что разбудила.

– Ничего. Я уже окончательно проснулся.

– Поспи еще. Я тебе позвоню попозже.

– Я тебя люблю, – сказал он.

Она посмотрела на трубку и печально улыбнулась, потом повесила ее – медленно, тихонько, и снова легла. Она знала, что тоже любит его, тоскует по его крупному теплому телу, по его нежности. На кой черт они расстались? Внезапно ее охватило приятное чувство усталости. Она приободрилась и вскоре погрузилась в тяжелый сон. Ей снился Фабиан, веселый и беззаботный, а потом вдруг угрожающий и смущенный; он держал ее руку, смеялся, а затем говорил ей обидные слова, как ребенок. Только он уже не был ребенком, он вырос, неожиданно повзрослел, постарел настолько, что на его лице появились морщины.

Алекс проснулась, дрожа, и лежала, боясь открыть глаза в темной комнате. Потом снова уснула, но теперь уже без сновидений.

Когда в семь зазвонил будильник, она его проигнорировала. Когда она в следующий раз посмотрела на часы, они показывали без десяти восемь. Сегодня, после похорон, она должна вернуться к обычной жизни. Еще предстояло развеять прах, но ей требовалось время, чтобы подумать об этом, решить, какое место выбрал бы Фабиан. Последние десять дней они прожили как в тумане, в смятении – ждали, когда французская бюрократия позволит привезти тело, когда его доставят в Англию. Дэвид отправился во Францию, взял на себя все хлопоты и ничего не требовал от нее. Он вел себя замечательно. Теперь ей нужно было заново налаживать жизнь, попытаться сосредоточиться на работе. Это, по крайней мере, у нее осталось: персонал, партнеры, клиенты. Она не имела права обмануть их ожидания, должна была доказать им, что может, доказать Дэвиду. А самое главное, доказать себе.

Она порылась в шкафу, пытаясь понять, как одеться. Фабиан всегда был очень придиричив к ее одежде, гораздо придиричивее Дэвида. Правильные цвета, правильный покрой, правильные фирмы... господи боже, иногда он становился невыносим. Алекс натянуто улыбнулась сквозь слезы, принялась рыться в ящике с шелковыми шарфиками. Все от «Корнелии Джеймс»,⁸ большинство куплено Фабианом. Какой взять? Она попыталась вспомнить, вытаскивала разные шарфики и отпускала их, и они падали назад в ящик. «Словно каскадный водопад», – подумалось ей. Она аккуратно повязала на шею бирюзово-серый, так,

⁸ «Корнелия Джеймс» – известная британская фирма, выпускающая перчатки, шарфы и прочие аксессуары.

чтобы хорошо была видна подпись Корнелии Джеймс на логотипе. «Ты доволен, дорогой? Я хорошо выгляжу?»

Проглотив полчашики кофе – остальное не допила, слишком горячо, – она схватила плащ и поспешила к выходу. Звонок раздался в тот самый момент, когда она подошла к двери. Она даже успела открыть ее, прежде чем звонок смолк. Женщина за порогом удивленно посмотрела на нее и сделала шаг назад. Полногрудая блондинка, аккуратно, но несколько театрально облаченная в черное и белое, выглядела она так, будто пришла из кастингового агентства, набравшего статистов. Женщина заговорила; зашевелились крохотные, похожие на розовый бутон губы, слишком маленькие для широкого лица.

– Миссис Хайтауэр?

Она говорила четко, разборчиво, словно брала уроки дикции, пытаясь избавиться от восточнолондонского произношения.

– Да, – неуверенно, настороженно ответила Алекс.

Что эта женщина собирается ей продать? Она была слишком хорошо одета, чтобы принадлежать к Свидетелям Иеговы, к тому же те обычно ходят парами.

– Меня зовут Айрис Тремейн. Санди попросила меня заглянуть к вам... Она сказала, вы рано уходите и в это время больше всего шансов вас застать.

Женщина в упор смотрела на Алекс. Ту встревожил этот взгляд: было трудно отвести глаза. Она подумала было, что женщина продает посуду «Таппервер» или косметику «Эйвон»; да, скорее всего, косметику. Вот только чемоданчика с образцами при ней не было.

– Очень жаль, но я опаздываю на работу, – сказала Алекс любезным тоном, стараясь быть вежливой.

– Да, конечно, прекрасно понимаю, вам это неудобно, только я подумала, что лучше зайти к вам как можно скорее. Если вы хотите узнать новости о вашем сыне.

И тут Алекс поняла, кто перед ней.

– Нет, – сказала она. – Спасибо, но я не желаю никаких новостей о моем сыне.

– Примите мои соболезнования.

– Спасибо.

– Санди очень переживает за него.

– Неужели? – Алекс почувствовала, что ее тон становится агрессивным.

– Если вы захотите провести сеанс, буду очень рада. Денег я с вас не возьму – Санди моя хорошая подруга.

– Миссис Тремейн, – холодно произнесла Алекс, – мой сын умер. Ни вы, ни кто другой не может этого изменить. К сожалению, я не верю в... – она задумалась на секунду, – как уж вы это называете – в мир духов.

– Я думаю, сын хочет поговорить с вами.

Выражение лица женщины было искренним – настолько искренним, что этого не могли скрыть даже густой слой косметики и вычурная прическа. Искренним и наивным. «Вы глупая, заблуждающаяся дурочка», – хотела сказать Алекс, однако сдержалась.

– Спасибо, – ответила она вместо этого. – Но мне нужно уходить.

* * *

Алекс кивнула девушке в приемной, избегая встречаться с ней взглядом, и поднялась по лестнице в свой кабинет.

Когда она проходила мимо Джули, та подняла голову от пишущей машинки и улыбнулась ей:

– Доброе утро. Пока не буду вам мешать – почитайте почту. Отменить ваши встречи на эту неделю?

– Нет, Джули, мы и без того многое отменили на прошлой неделе. Шоу продолжается.

Алекс закрыла дверь и уставилась на гору писем на столе. Посмотрела на деревянный календарь – Джули каждый день переставляла его. Двадцать первое апреля. Последние десять дней исчезли, словно она провалилась в какую-то дыру во времени.

Она вскрыла первый конверт, вытащила аккуратно напечатанную и переплетенную рукопись. «Предвидения – мои способности и другое». Открыла первую страницу, по которой всегда определяла, будет ли читать дальше сама или передаст Джули.

«Я всегда видел руку в темноте, манящую меня. Если я видел руку, то знал, что кто-то умрет. В первый раз это случилось, когда мне было семь, а на следующий день мою сестру переехал трактор. Тогда я в первый раз понял, что обладаю способностью предвидения».

Она снова посмотрела на обложку, вызвала по интеркому Джули.

– Автор Стенли Хилл – вам это имя что-нибудь говорит?

– Нет.

– Кажется, он нам уже присылал что-то.

– Хотите, чтобы я проверила?

– Нет, я сама.

Алекс включила экран редактора и прямо посередине четко увидела слова ярко-зелеными буквами: «ПОМОГИ МНЕ, МАМА».

По жилам будто потекла ледяная вода. Слова обесцветились, экран потемнел. Лед превратился в кипятилок, лоб у нее запылал, пот потек по щекам. Она выключила экран, потом снова включила его, но на сей раз увидела только надпись «Меню» и перечень функций.

Алекс опасливо ударила по двум-трем клавишам. Меню исчезло, вместо него появились слова «клиентский файл». Дрожащими пальцами Алекс попыталась нажать нужную поисковую клавишу, но промахнулась. Машина сердито бикнула.

– Алекс, вы хорошо себя чувствуете?

Она посмотрела на Джули; та, как в замедленной съемке, поставила ей на стол чашку кофе. Алекс заговорила, слыша звук собственного голоса словно со стороны:

– Да, я в порядке.

– Вы белая как простыня.

– Очень устала. Плохо спала.

– Может, вам нужно принимать таблетки... ну, вы же знаете, пока худшее не останется позади.

Алекс улыбнулась:

– Худшее уже позади.

– По-моему, вы держались очень мужественно.

Алекс почувствовала, что слезы наворачиваются ей на глаза, и зажмурилась. Но чувства кипели в ней, и в конечном счете она не сдержалась. Слезы потекли по щекам. Чужая рука сжала ее руку, и она твердо ответила на пожатие. Подняла веки, увидела симпатичное лицо, добрые глаза Джули. А ведь помощница изменила прическу: постриглась коротко, а она ничего на это не сказала.

– Извините, – произнесла она. – Хорошая стрижка.

– Спасибо.

– Можете не беспокоиться, я не брошу вас всех на произвол судьбы.

– Мы это знаем. – Джули протянула Алекс платок.

– Все в порядке. У меня есть. – Она высморкалась. – Когда кто-нибудь будет звонить, просите не задавать мне вопросы о самочувствии, хорошо?

Джули кивнула.

– И просите не упоминать Фабиана – мне так будет легче.

– Да, конечно.

Алекс опасливо посмотрела на экран. Увиденные ранее слова отпечатались в ее памяти. Четко. Безошибочно.

– Что-то я забыла, как эта штука работает... хочу найти имя этого автора.

Джули постучала по клавиатуре, и почти тут же появилась надпись: «Стенли Хилл».

– В восемьдесят втором году предлагал нам рукопись «Обращение звездочета к звездам».

– Скромненько, – хмыкнула Алекс. – И почему мы ее отвергли?

Джули наклонилась над экраном и сказала:

– Недостаточно содержательная.

– Есть десятки других агентов... Почему он и следующую рукопись присылает нам?

– Видимо, вы написали ему очень любезное письмо.

– Сомневаюсь, – произнесла Алекс.

– Хотите, чтобы я прочла?

– Нет, отсылайте не читая, скажите, что нас такие вещи не интересуют.

– Такие книги хорошо продаются, – возразила Джули. – Взять хотя бы Дорис Стоукс.⁹

– Да хоть миллионный тираж, я не хочу работать с такой рукописью.

Джули взяла папку и вышла из кабинета. Алекс проводила ее взглядом, потом снова уставилась на экран. Выключила его. «Помоги мне, мама». Эти слова не выходили у нее из головы. Она опять включила редактор, и на экране появилась та же надпись – спокойная, немигающая.

ПОМОГИ МНЕ, МАМА.

⁹ Дорис Стоукс (1920–1987) – британская ясновидящая и медиум, которую неоднократно привлекали к розыску преступников.

7

– Ты такая занятая.

Алекс помахала ладонью, разгоняя дым:

– Это ты все время исчезаешь.

Сквозь заросли своих моржовых усов Филип Мейн просунул сигарету в рот, издал неторопливый протяжный хрип с сиплым отзвуком – словно где-то вдали проходили мопедные гонки – и выпустил еще одно густое облако дыма.

– В космическом смысле?

– Нет, – улыбнулась Алекс. – В физическом.

– Брр, – задумчиво произнес он.

Она снова помахала рукой.

– Этот дым, он тебе на пользу не идет.

– Ну, это одно из немногих моих удовольствий, – сказал он своим тихим низким голосом и виновато пожал плечами. – И все же это всего лишь временное неудобство, оно продлится еще несколько тысяч лет. Пять, максимум шесть... сушая ерунда.

– А потом?

– А потом мы эволюционируем в достаточной мере, чтобы навсегда стать самодостаточными; все связи будут осуществляться с помощью телепатии и неэкспонированной пленки; мы получим радость экспонирования, которая заменит все сегодняшние социальные контакты... удовольствия и... – он показал ей сигарету, – и неудобства.

Она с улыбкой смотрела на его худую фигуру, сутулые плечи под потрепанным твидовым пиджаком, тощее горящее лицо с обвислыми усами – манифестом его образа жизни. В свои сорок с лишним он все еще был больше похож на революционера, засидевшегося в студентах, чем на ученого, написавшего три достойные, хотя и спорные книги.

– Как продвигается твоя работа?

Филип опустил голову и уставился на Алекс, словно на золотую рыбку в аквариуме.

– Нашел доказательство. Уже есть доказательство.

Он поднял бокал с вином, отхлебнул, поставил. Усы его стали похожи на мокрую тряпку.

– Какое доказательство?

– Ты узнаешь. Ты будешь поражена, девочка моя, поражена.

За разговором его лицо оживлялось.

– Хорошо, – сказала Алекс, чувствуя себя довольно потерянной.

– Неопровержимое доказательство того, что Дарвин был прав.

– Тебе удалось воссоздать вселенную в ее первоизданном виде в воспроизводимом лабораторном эксперименте?

– Еще требуется кое-какая тонкая настройка, но да, боже милостивый, я видел, как оно все начиналось. ДНК, девочка моя, из двух пылинок.

– А откуда взялись пылинки?

– Из ниоткуда, девочка моя, – торжественно сказал он. – Из ниоткуда!

Официант принес показать ей камбалу, потом начал готовить филе.

Тон Филипа вдруг смягчился:

– В последние две недели твой муж был рядом?

– Ты это о чем?

Алекс почувствовала, что краснеет, увидела почти незаметное движение головы официанта – тот наострил уши.

– Он помогал?

– Да, он держался молодцом.

– Хорошо, – без энтузиазма сказал Филип.

Она снова покраснела и покосилась на официанта. Похоже, с камбалой что-то не ладилось.

– Он все еще хочет, чтобы ты вернулась?

– Я... гм... – начала было она и запнулась.

Посмотрела на часы, нажала кнопку даты. Часы показали 4.5. Она озадаченно вглядывалась в цифры. Четвертое мая?

– Какой сегодня день? Все еще апрель, да?

Она опять в недоумении посмотрела на часы.

– Алекс? Ты меня слышишь?

Она слышала эхо этих слов в своей голове, пыталась установить их источник. Обнаружила лицо по другую сторону стола: рот Филипа открывался и закрывался.

– Алекс? Тебе плохо?

Лицо расплылось, как в тумане, потом снова приобрело четкие очертания.

– Нет-нет, – ответила она. – Все в порядке.

– Ты вдруг так побледнела.

– Извини. – Она снова посмотрела на свои часы и нахмурилась. – Который час?

– Без двадцати два.

Ее часы шли правильно.

– Вчера ночью был дождь? – спросила она.

Мейн насупился, потом подозрительно оглядел поставленную перед ним тарелку с камбалой.

– Она побывала в сражении? – металлическим голосом громко спросил он у официанта.

– В сражении, сэр?

– Вид такой, будто ее порубили мечом.

– Прошу прощения, сэр.

Помедлив секунду, официант удалился.

– Дождь?

– Или гроза?

– Возможно, вчера была очень высокая влажность.

Алекс вдруг почувствовала облегчение.

– И это могло повлиять на электрические... не знаю... часы?

Он нахмурился:

– Вполне. Гроза может привести к сбоям в электроснабжении.

Она помолчала несколько секунд, задумавшись.

– А на устройства с солнечными элементами гроза может влиять?

Поразмыслив, Филип кивнул:

– Не исключено. А что?

– Да так, ерунда.

Он перевел взгляд на тарелку, неприязненно осмотрел рыбу, выпил еще вина, отер усы салфеткой.

– Филип, что ты думаешь о медиумах?

– О медиумах?

– Одна моя подруга посоветовала мне обратиться к медиуму.

Он выудил морковку из блюда, смущенно посмотрел на нее.

– Поешь морковку – морковка у них здесь хорошая, – посоветовала Алекс и взяла тарелку. – Ты не ответил.

– Некоторые находят медиумов полезными.

– Кто? Люди, которые не могут смириться с чьей-то смертью?

Он пожал плечами.

– Ты христианка?

– Наверное.

– Значит, веришь в загробное существование.

– Я больше не знаю, во что верю.

– Прекрасный образец эволюции – камбала. – Филип отковырял кусочек вилкой, показал ей. – Она плавала головой вверх. – Он положил вилку и поставил локоть на стол, подняв ладонь. – А начала плавать горизонтально, только когда переместилась на морское дно... Поняла, что так она будет незаметнее.

– Неглупо.

– У нее возникла... небольшая проблема с глазами. Они были расположены по обе стороны головы. Если плаваешь вертикально – нет проблем, но если горизонтально, то один глаз всегда смотрит в дно, а другой – в небо. И вот в один прекрасный день – раз, и оба глаза смотрят вверх.

– Какое отношение это имеет к медиумам?

– Не понимаешь? Эволюция меняет природу. Мы можем доказать: человека создал не Бог. А что, если наоборот?

– Это старый аргумент.

– Нет, этот аргумент новенький – с иголки.

– Что Бога, вероятно, изобрел человек?

Филип наколот на вилку еще кусочек рыбы, поднес к глазам, внимательно осмотрел.

– Нет, девочка моя, не изобрел. Сотворил! Сотворил! Если весь животный мир эволюционировал из двух пылинок и удара молнии, то почему то же самое нельзя сказать и о мире духовном?

– Ты совсем рехнулся.

– Это гораздо ловчее, чем с рыбой.

– Откуда ты знаешь?

– Если бы не так, то тогда она бы ела меня, а не я ее.

– По крайней мере, общение с тобой меня бодрит, – усмехнулась Алекс.

– Да, нам всем время от времени требуется порция бодрости.

Она отправила в рот кусочек рыбы.

– Вкусно, хотя и выглядит так, будто пережила резню в Гленко.¹⁰

Филип положил нож и вилку.

– Я... гм... подумал, ты мне позволишь как-нибудь пригласить тебя на обед? Я имею в виду – не когда-нибудь, а может, в ближайшее время.

Она отрицательно покачала головой:

– У меня с клиентами всегда строго деловые отношения.

Он промокнул усы салфеткой и одновременно начал говорить, отчего его слова прозвучали приглушенно:

– Я мог бы... мм... пригласить тебя на строго деловой обед.

– Нет, Филип. Я сейчас не в том состоянии, чтобы пытаться завязывать отношения.

– Я тебе предлагаю руку дружбы, ничего больше.

– Спасибо, я понимаю. Давай ограничим нашу дружбу ланчами.

– Завтра тебя можно пригласить на ланч?

¹⁰ *Резня в Гленко* – массовое убийство в 1692 г. членов ветви шотландского клана Макдональд из местечка Гленко в наизидание другим нелояльным кланам.

Она рассмеялась:

– Завтра суббота.

– Суббота – отличный день для ланча.

– Завтра я еду в Кембридж – забрать вещи Фабиана.

– Тогда, может, на следующей неделе?

– Может быть.

* * *

Ланч с Филипом Мейном приободрил Алекс, и, вернувшись домой, она чувствовала себя гораздо лучше. Снова вспомнила о надписи на экране. «Это от усталости, – подумала она. – Наверное».

В доме стояли тишина и покой, сильно пахло полиролем. Темнело. Часы спешили – их нужно было перевести назад, на летнее время, хотя погода на летнюю еще не походила.

Алекс постояла в коридоре, вдруг ощутив себя повисшей в пустоте. Последние десять дней прошли как в тумане, а сейчас она возвращалась к нормальному состоянию, которое, казалось, потеряло всякий смысл. Она жалела, что не приняла приглашения Филипа на обед или предложения мужа. Просмотрела телевизионные программы, но не нашла ничего интересного. Бросила газету на диван и спустилась по узкой лестнице в проявочную.

Фотография. В фотографии есть что-то очень личное. Она мгновенно отражает реальность, рассказывает историю без необходимости читать рукопись. Возможно, Филип прав. Но об этом еще предстояло столько всего узнать.

Она пропустила последние уроки; время – его всегда не хватало. Когда Дэвид обустроил ей проявочную, она полюбила запереться здесь – в покое и безопасности, в тишине, среди странных запахов химикалий. Но сегодня она чувствовала себя здесь не в своей тарелке, тишина угнетала ее.

Отвратительный отпечаток с пленки Филипа Мейна все еще висел на просушке. Алекс сняла бумагу, надеясь, что Мимса ее не заметила, и уже собиралась порвать, когда что-то привлекло ее внимание на одном кадре – отметинка, очень маленькая. Алекс взяла лупу, включила подсветку и посмотрела на отпечаток.

Лупа выпала из ее руки и ударилась о белое оргстекло в подсветке. Осталась заметная царапина, а Алекс замерла. По телу прошел озноб, кожу начало покалывать.

После проявки на бумаге появилось лицо Фабиана.

Снова показалось, что вокруг смыкаются стены. Она повернулась, посмотрела на дверь и поняла, что оставляла ее в другом положении. Ухватившись за ручку, Алекс распахнула дверь. Никого.

– Эй! – сказала она. – Эй?

Взглянула вдоль лестницы, но там все было тихо.

Потом раздался пронзительный скрип; казалось, фундамент дома содрогнулся. Она вскрикнула и в страхе ухватилась за дверной косяк. Скрип перешел в металлический звон. Дверной звонок! Алекс вздохнула с облегчением. Не уходите, пожалуйста, не уходите! Она бросилась вверх по лестнице, отчаянно спеша застать того, кто звонит, прежде чем он уйдет, отчаянно торопясь оказаться рядом с другим человеком, с кем угодно!

Она открыла дверь и замерла, переводя дыхание. Перед ней стоял молодой человек с серьезным, чистым лицом и короткими кудрявыми волосами. На нем был потрепанный серый костюм, слишком старый – вероятно, с чужого плеча. Свитер с высоким воротником. Поцарапанные бесформенные черные туфли, сто лет не знавшие щетки. Может, и они ему достались от кого-то другого?

– Миссис Хайтауэр? – неторопливо начал он, тщательно выговаривая слова.

Алекс кивнула. Было в этом парне что-то знакомое, как в старой, уже прочитанной газете. На коммивояжера он не походил, и она даже подумала, что если это еще один медиум, присланный Санди, то она не будет возражать. Сейчас она была рада любой живой душе.

– Меня зовут Джон Оллсоп, я помощник викария... обслуживаю ваш приход... мм... викарий сказал мне о вашей утрате, и я подумал, что нужно заглянуть к вам, представиться... если вы не возражаете.

Его правый глаз резко дернулся два раза.

– Прошу вас... да, конечно. – Она впустила его и закрыла дверь. – К сожалению, мы не приглашали викария на отпевание... его проводил школьный приятель моего мужа – Джон Ламбурн... он живет близ Гастингса. Надеюсь, викарий не в обиде, что его обошли.

– Ничуть, так часто бывает.

Они вошли в гостиную.

– Боюсь, мы частенько забывали о церкви.

– Я бы на вашем месте не переживал из-за этого, – доброжелательно сказал он. – Если вы захотите прийти и помолиться в один из наших храмов, вас встретят с радостью.

– Спасибо.

– Как вы себя чувствуете? Я вижу, все еще не можете прийти в себя.

– Никто не предполагает оказаться на похоронах собственного ребенка.

– Это верно. Потерять ребенка – это ужасно. У вас есть другие... дети?

Она покачала головой.

– Тогда вам должно быть еще тяжелее, если только это возможно. – Глаз у него снова дернулся. – Я и сам недавно пережил утрату – потерял жену. Мне очень помогли ее фотографии.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами и подумала о лице на фотографии, изображающей гениталии. Как? Как оно попало туда? Может, это чья-то гнусная шутка?

– Примите мои соболезнования.

– Спасибо. – Он печально улыбнулся и кивнул.

– Она... – Алекс не могла найти подходящего слова.

– Рак.

Алекс кивнула, не зная, что сказать.

– Ужасно.

Перед ней снова встало лицо Фабиана. Она резко поднялась, но остановилась в недоумении: зачем она вставала?

– Я... я принесу кофе.

– Нет-нет, спасибо.

– Вы что предпочитаете – кофе или чай... или виски... или что-нибудь другое?

– Нет, спасибо, ничего не надо.

Но она уже шла на кухню – ей отчаянно требовалось минутку побыть одной, чтобы взять себя в руки. Она приготовила кофе, открыла пачку шоколадного печенья и уже собиралась вернуться в гостиную, когда в глаза ей бросилась визитка на кухонном столе. На ней было имя Айрис Тремейн и адрес в Эрлс-Корт. Алекс швырнула карточку в мусорное ведро, потом вытащила и положила на стол. Взяла поднос и вернулась в гостиную.

– Пожалуйста, берите молоко и сахар.

– Спасибо.

Она чувствовала его вопросительный взгляд и спрашивала себя: «Я выгляжу ужасно? Совсем потерянной?»

– Да. – Глаз у него снова дернулся. – Фотографии навевают воспоминания. Они могут быть очень полезны. Боль со временем проходит, поверьте мне.

Он улыбнулся и нервно откусил печенье, словно опасаясь, как бы оно не укусило его в ответ.

Она перехватила его взгляд, брошенный на вазу с увядающими розами.

– Фабиан прислал их мне на день рождения. Он всегда дарил мне красные розы, они ему нравились.

– Вы... гм... садовничаете?

– Я, к сожалению, в этом плане безнадежна. Мой муж садовничает.

– Насколько я понимаю, вы разъехались?

– Да. Мой муж занимался рекламным делом... но настоящей его любовью всегда было виноделие. И он решил бросить все и заняться выращиванием винограда. К сожалению, загородная жизнь не для меня.

– Очень трудно это – жить за городом; иногда все слишком уж безмятежно.

– Да.

– Вы, кажется, литературный агент.

Она кивнула.

– Я сам пишу книгу. Небольшую.

Алекс ощутила разочарование: не это ли и привело его к ней?

– У вас есть издатель?

– Ну, мне до конца еще далеко... не уверен, что она будет заслуживать внимания.

– Если вы хотите, чтобы я посмотрела...

– Нет-нет, я бы не хотел вас беспокоить. Может быть, если я ее закончу.

– Еще кофе?

– Печенье, с вашего разрешения. – Он подался вперед и взял еще одно печенье с тарелки. – Знаете, вам, возможно, принес бы облегчение разговор с друзьями сына. Нередко мы так мало знаем о наших близких, пока они с нами, но после их ухода мы можем узнать о них много хорошего. Это большое утешение.

– Спасибо. Хороший совет. Но вообще-то, он был одиночкой. Я знаю только двух его близких приятелей, и один из них погиб вместе с ним.

Священник покачал головой:

– Некоторые вещи очень трудно понять, миссис Хайтауэр.

– Да, – кивнула Алекс.

– Но вы, похоже, из тех людей, которые умеют держать себя в руках.

– Да. – Она вздохнула. – Это я умею. Более или менее.

Она улыбнулась, гость улыбнулся в ответ, помешал кофе.

– У вас есть какие-либо... – она помолчала, покраснела, – представления о спиритизме?

Его лицо помрачнело, словно набежала туча.

– Я бы не рекомендовал вам заниматься этим, миссис Хайтауэр, категорически не рекомендовал. Вы уже... – Он замолчал, подыскивая нужные слова.

– Нет, вовсе нет. Просто мне кое-кто посоветовал.

– Я знаю, что ничего, кроме горя, это не приносит. Никогда ничего хорошего.

Внезапно, судя по его виду, он почувствовал себя неловко, словно понял, что пора уходить.

– Я не верю ни в какой спиритизм.

– Это очень разумно. Если какой-то друг вам предлагает такие вещи, то он и не друг вовсе. Молитва, любовь, добрые воспоминания и время залечат раны. Ничего хорошего из попытки общения с умершим не выйдет, ничего, кроме разочарования и... – Он замешкался.

– И?..

– В мире существует много злых сил, миссис Хайтауэр. В мире много зла, и те, кто становится на дорожку оккультизма, подвергают опасности не только себя, но и других.

Она кивнула:

– Я не собираюсь становиться на эту дорожку.

– Хорошо. – Он улыбнулся. – Хотите, помолимся вместе?

– Помолимся? – Она моргнула и почувствовала, что краснеет. – Да... мм... спасибо, – смущенно сказала она.

Священник закрыл глаза, и они вместе прочли «Отче наш». Потом он стал читать другие молитвы, а она сидела, плотно сомкнув веки. Ей это казалось странным – они вдвоем в ее гостиной, но когда она открыла глаза, то почувствовала, что укрепились духом, стала сильнее.

– Хотите, чтобы я заглянул еще раз?

– В любое время, когда будете проходить мимо.

Он ушел, словно торопился покинуть ее дом. Когда Алекс спросила о спиритизме, в нем что-то изменилось: появилась какая-то озабоченность, которую она не смогла рассеять.

Закрыв входную дверь, Алекс двинулась назад по коридору. На лестнице, ведущей в провочную, горел свет, и она подумала: не спуститься ли ей, не посмотреть ли еще раз на фотографию? Нет, решила она, лучше сделать это утром, при свете дня, когда она отдохнет и глаза не будут ее обманывать. Она вздохнула; рано или поздно ей придется заняться комнатой Фабиана, что-то сделать с его одеждой, вещами.

Вдруг она подумала: а не оставил ли он завещания?

Алекс поднялась в спальню сына, включила свет. Комната казалась очень мирной, почти приветливой. У кровати стояли его тапочки, приготовленные Мимсой; глупая Мимса, с улыбкой подумала Алекс. Горничная восприняла известие болезненно. Бурный поток чувств – лучший способ выпустить скорбь, Алекс знала это и на миг позавидовала простоте Мимсы, ее латиноамериканскому темпераменту. Хорошо бы и ей когда-нибудь вот так научиться выпускать эмоции.

Холодные глаза Фабиана строго взирали на нее с портрета на стене.

– Не смотри на меня так, дорогой, – сказала она и опустила веки. – Господи, позаботься о моем дорогом сыне Фабиане, защити его, где бы он ни был.

Она открыла глаза, почувствовала, что они увлажнились, села на его кровать и тихо зарыдала.

Потом встала, взглянула на фотографию спортивного «ягуара» на стене и громадные стилизованные цветные постеры старых автомобилей. Его библиотечка – несколько рядов научной фантастики, книг по астрономии. Телескоп у окна – подарок Дэвида сыну на шестнадцатилетие. Алекс подошла, сняла крышечку с объектива, посмотрела в окуляр. Она помнила, как Фабиан терпеливо называл ей созвездия и планеты – Большая Медведица, Уран, Юпитер, – он знал их все. Но она так толком и не запомнила ни одной, даже Большой ковш с трудом узнавала. Теперь она смотрела на звезды. Они казались громадными. Может быть, Фабиан где-то там, среди них?

Открыв ящик комода, она принялась рыться в его носках – ядовито-зеленых, желтых, розовых. Он всегда носил яркие носки. Что-то на дне ящика привлекло ее внимание, и она сдвинула носки в сторону. Там лежала почтовая открытка с изображением длинного здания из красного кирпича, с магазинами и уличными кафе. Торговый комплекс «Куинси-маркет», Бостон, Массачусетс. Под этой были и другие открытки – все с видами Бостона: река, Массачусетский технологический институт, гавань. «Здесь произошло Бостонское чаепитие»¹¹ –

¹¹ *Бостонское чаепитие* – состоявшаяся в 1773 г. акция протеста против таможенных правил, в ходе которой американские колонисты побросали в воду с кораблей у причала более трехсот ящиков английского чая. Положила начало Американской революции.

гласила надпись. «Странно, – подумала Алекс, – он никогда не был в Штатах, даже не говорил про Америку». Откуда эти открытки на дне ящика – он словно прятал их здесь.

* * *

Той ночью она спала, не выключая света, как в детстве. Со временем это пройдет, заверил ее священник. Она заснула, потом проснулась, уставилась на зеленоватое мерцание часов и некоторое время лежала в ужасе, прислушиваясь к тишине ночи и ощущая покалывание во всем теле. Посмотрела на потолок, потом на стену, за которой была комната Фабиана.

Надпись на экране. Лицо Фабиана на фотографии.

Потом Алекс крепко сомкнула веки и попыталась вытеснить эти видения. Вытеснить всё.

8

В Кембридж Алекс ехала под мелким дождем – такая же погода стояла, когда она везла Фабиана на первый семестр. Странно, в памяти остаются какие-то незначительные детали. Машина, набитая его вещами. Их разговор. «Ну, ты не думал еще о том, чем бы хотел заниматься после Кембриджа, дорогой?»

Он тогда смотрел перед собой, словно размышляя.

– Нет, – без обиняков ответил Фабиан, но сделал это как-то уж слишком быстро.

Священник был прав: родители очень мало знают о детях, как бы они ни ластились к тебе, сколько бы роз ни дарили, как бы остро ни чувствовали твое настроение. Она вспомнила тот день, когда сообщила Фабиану, что они с Дэвидом расходятся. «Я ждал этого много лет», – сказал он, подошел и поцеловал ее. Станный, высокий и худой как жердь сын, который с годами стал покрепче, не таким, как в детстве, – со слабой грудью, жуткими вспышками ярости, беспричинными перепадами настроения. Бывало, он никого не хотел видеть и долгими часами сидел, запершись у себя в комнате.

Алекс пересекла университетский дворик, прислушиваясь к эху собственных шагов, поднялась по каменной лестнице, потом прошла по коридору, нашла комнату 35. Вдруг поняла, что нервничает – боится постучать в дверь.

Дверь открылась почти мгновенно, она даже подпрыгнула.

– Здравствуйте, миссис Хайтауэр, – сказал Отто.

Почему в его голосе всегда слышится насмешка? Алекс посмотрела на его задумчивое злое лицо; от порезов и синяков оно приобрело еще более сатанинское выражение. В его странные глаза, улыбающиеся, как два заговорщика, – жуткие, холодные, насмешливые. Неужели он и в самом деле был лучшим другом ее сына?

– Привет, Отто, как у вас дела?

– У меня все хорошо, миссис Хайтауэр. Хотите кофе?

Она обратила внимание на немецкий акцент, чуть притупивший его резкое итонское произношение, которое он то ли пытался подчеркнуть, то ли скрыть – она не могла понять.

– Спасибо.

Он засыпал в мельницу кофейные зерна, достал кофеварку, чашки, молоко, словно исполняя некий ритуал.

– Очень мило, Отто. Я думала, большинство студентов умеют делать только растворимый кофе.

– Большинство, вероятно, да.

Она оглядела комнату. Старая студенческая мебель, голые стены, ряды книг, в основном научных, ничего не говорили о характере хозяина. Повсюду валялись груды бумаг и одежды. У корзинки для мусора стояли две бутылки из-под шампанского.

– Отто, как вы себя чувствуете?

– Чувствую?

Она кивнула:

– Я имею в виду, как настроение.

Он пожал плечами, сунул в рот сигарету, закурил.

– Хотите закурить?

Она покачала головой.

– Я надеюсь, вы не чувствуете себя виноватым.

– Виноватым?

– Да. Из-за того, что... ну, вы понимаете – вы единственный остались в живых.

– Я не чувствую себя виноватым.

Кофеварка зашипела, принялась плевать.

– Пожалуй, я закурю, – сказала Алекс, и Отто протянул ей пачку. – Думаю, это несправедливо, когда пьянчуга убивает трех молодых людей. – Она подалась вперед, прикурила от зажигалки в руке Отто. – Жалкий пьянчуга.

– Может быть, миссис Хайтауэр, так оно и было задумано.

– Задумано? – Она затынулась. – Задумано, что они должны умереть или что вы должны остаться в живых?

Он вскинул брови.

– Скажите мне, – попросила она, чувствуя себя довольно глупо. – На похоронах, когда я вас поблагодарила за то, что вы приехали, вы сказали, что вас об этом просил Фабиан. Вы что имели в виду?

Отто оперся о подоконник, взглянул на университетский двор внизу.

Она посмотрела на него, догадываясь, что он, может быть, чувствует, и не стала настаивать на ответе. Отпила кофе, стряхнула пепел с сигареты.

– Скажите, Фабиан был счастлив здесь, в Кембридже?

– Счастлив? Не знаю, что вы под этим понимаете.

Он повернулся и посмотрел на нее со странной зловещей ухмылкой.

– У меня такое чувство, что ему нравилось здесь, что он любил вас и Чарльза.

Отто пожал плечами.

– Думаю, он очень любил и Кэрри. Раза два привозил ее домой. Мне сперва казалось, что она ему не подходит. И все равно я расстроилась, когда узнала, что он ее бросил. Она, пусть и на особый манер, вполне ему подходила.

– Бросил ее? – Отто прошел по комнате и погасил сигарету в пепельнице. – Он не бросал Кэрри, это она его бросила. Она отправилась искать себя в Америке.

Алекс криво усмехнулась:

– Дети не очень любят делиться с родителями, да?

– Все зависит от родителей.

Его тон заставил Алекс насторожиться.

– Я думала, у меня с Фабианом близкие отношения. – Она пожала плечами и посмотрела сквозь грязное окно на серое небо; пружины кресла чуть наклоняли ее в одну сторону, а когда она изменила положение, снизу раздался резкий металлический звук. – Он мне сказал, что ушел от нее... я думаю, он чувствовал себя смущенным, ему было трудно без ущерба для собственной гордости признать, что его бросили. Уж с кем у него не было проблем, так это с девушками.

– Почему вы так думаете, миссис Хайтауэр?

– Вы это о чем?

– У него были вечные проблемы с девушками.

– Какого рода проблемы?

– Я бы предпочел не говорить об этом. – Он улыбнулся своеобразной, понятной ему одному улыбкой.

Она озадаченно заглянула в его глаза, но ничего не смогла в них прочесть.

– Я провожу вас в его комнату, – предложил он.

– Она рядом с вашей?

Отто кивнул.

– Сначала я хочу побыть там одна, если не возражаете. Если хотите взять себе что-нибудь из его вещей... книги... что угодно... я буду только рада.

– Спасибо.

Войдя в комнату Фабиана, Алекс ничего не почувствовала, как если бы это была комната совершенно чужого человека. Здесь было прохладно, сыро, стоял запах старой мебели.

Она посмотрела на вытертый ковер, через который здесь и там проступали контуры половиц, на электрообогреватель и тостер, которые она дала сыну. Ряд графинов на каминной полке, один был наполовину полон. Она вытащила крышку, принялась, ощутила несвежий запах, навевающий мысль о лакрице. Или, может, о портвейне. У стены стояли винные полки, из которых здесь и там торчали пыльные горлышки. У пола теснились бутылки с горлышками, аккуратно завернутыми в золотистую фольгу, поверх которой были повязаны оранжевые ленточки. Она наклонилась, чтобы прочесть: «Вдова Клико-Понсарден».

На столе лежали бумаги, поверх них для надежности – шариковая ручка. «Были ли Гонерилья и Регана злодейками? Или практичными деловыми женщинами? Не хотел ли Шекспир сказать нам всем что-то такое, что на века опережало его время? Если бы существовала премия „Лучшая бизнес-леди года“ в Елизаветинские времена, то выиграли бы они ее?»

Алекс улыбнулась. Она помнила, как Фабиан обсуждал с ней это всего несколько недель назад. И теперь она ясно видела его: вот он ходит по кухне, засунув руки в карманы джинсов, и забрасывает ее вопросами.

Она огляделась. Возникло впечатление, будто он вышел отсюда пару минут назад. Она подтащила стул, встала на него, сняла со шкафа чемодан. Замки открылись с глухим металлическим лязгом. Алекс подняла крышку и уставилась на порванную желтую подкладку, сломанную пластиковую вешалку и один черный носок. Вспомнила первый день, когда собирала его четырнадцать лет назад. Видела одежду, аккуратно разложенную, выглаженную: маечки, летние рубашечки и серый пуловер для пригостишек, на всем аккуратно пришитые бирочки с именем... Вдруг поняла, что плачет. Не дай бог, зайдет Отто и увидит ее в слезах.

Алекс открыла верхний ящик его письменного стола. Дневник. Пролистала несколько мартовских страниц, но ничего интересного не нашла. Расписание лекций, начало каникул, отмеченное жирной линией, ниже которой было написано: «Лыжи». Еще несколько страниц – до 15 января. «Вечером в 8. Обед. Кэрри». Днем ранее запись: «7:30. Кино. Кэрри». После 15-го имя Кэрри больше не встречалось. Несколько дней не были заполнены, но помечены крупной звездочкой. Она пролистала вперед к 17 апреля и улыбнулась влажными глазами: дата была обведена черным кружком, а рядом красовалась аккуратная подпись: «Д. Р. мамы».

Через несколько страниц нашлись еще звездочки – недели через две после предыдущих. Против 4 мая – Алекс уставилась на эту дату, пораженная. Ей вдруг показалось, что невидимая рука подняла ее и бросила в холодную воду, а вода пропитала ее, словно лакмусовую бумажку. Именно эту дату – 4 мая – показывали ее часы во время ланча с Филипом Мейном.

– Как у вас дела?

Она повернулась. В дверях стоял Отто, улыбался своей жуткой всеведущей улыбкой. Похоже, этой карикатурной маске, состоящей из царапин и синяков, известно немало тайн ее сына.

– Хорошо. Прекрасно. Тут в графине остался портвейн... если хотите.

– Портвейн долго не стоит, – пренебрежительно заметил Отто. – Он уже прокис.

– Тут у него много всякого вина, – равнодушно сказала она. – Возьмите, пожалуйста.

Ей хотелось, чтобы Отто взял что-нибудь, отчаянно хотелось, только она не до конца понимала причины такого своего желания – то ли ей нужно было, чтобы он почувствовал себя ее должником, то ли просто хотелось его ублажить.

Он кивнул без всякого интереса:

– Не думаю, что Фабиан так уж хорошо разбирался в винах.

– Его отец... – с негодованием начала было она, но замолчала, поняв, что заглатывает его наживку. – Что вы сейчас имели в виду, Отто, когда говорили, что у Фабиана всегда были проблемы с девушками?

Отто подошел к книжным полкам, достал книгу, перелистал несколько страниц.

– Я думаю, миссис Хайтауэр, вы не очень хорошо знали вашего сына, – равнодушно сказал он.

– А ваши родители хорошо вас знают?

– Мою мать, когда мне исполнилось четыре, поместили в заведение. Мой отец... – он пожал плечами, – да, я с ним часто встречаюсь.

– Какое заведение?

– Одно заведение.

– Для душевнобольных? – осторожно спросила она.

Он отвернулся и спросил:

– И что вы собираетесь со всем этим делать?

– Не знаю. Забрать и...

Алекс поняла, что не знает. Закрыв дневник, просмотрела другие бумаги. С удивлением обнаружила стопку почтовых открыток и письмо, адресованное Фабиану в Кембридж, написанное девичьим почерком, – все это было схвачено резинкой. Алекс засунула стопку в дневник, положила на дно чемодана. Она ощущала на себе взгляд Отто, но каждый раз, когда она поворачивалась в его сторону, он по-прежнему листал страницы книги. Чувствуя себя мародером, она сложила брюки и сунула в чемодан.

– Если не возражаете, я возьму эту книгу.

– Конечно. Берите все, что хотите... мне это ни к чему... я хочу сказать... я собираюсь раздать все это, так что берите.

– Только это. – Отто пожал плечами.

– Что это?

Он показал обложку. Тоненькая книжица в бумажном переплете: Ф. Р. Ливис о Т. С. Элиоте.

– Я думала, вы изучаете химию, – улыбнулась она.

– Я много чего изучаю.

Не сказав больше ни слова, Отто вышел.

* * *

Когда Алекс с чемоданом на переднем пассажирском сиденье возвращалась в Лондон, моросящий дождь перешел в ливень. Она наблюдала, как «дворники» сбрасывают со стекла воду – словно рассерженные руки.

Потом дождь перешел в град. Ледяные горошины молотили по корпусу машины, по мягкой крыше над ее головой. Потом град кончился, и снова полил дождь. У Алекс не шло из головы странное поведение Отто. Он всегда казался ей слегка ненормальным, а теперь – в еще большей степени. Но это понятно – после того, что он пережил. Однако в нем всегда была какая-то недоброжелательность, а теперь она, кажется, еще усугубилась. Словно он пошутил, выжив в катастрофе, выкинул эту причудливую шутку в своем духе. А его странное замечание о Фабиане? Может, он и не врет, может, Кэрри бросила Фабиана. Но Алекс озадачили слова о том, что у Фабиана всегда были проблемы с девушками. Что Отто имел в виду? Не был ли он геем? Не были ли Фабиан и Отто любовниками? Она снова подумала о Кэрри. Хорошенькая блондинка с панковскими колючками на голове, с южнолондонским щебетом. Алекс вспомнила, с каким трепетом Кэрри осматривала их дом. «Ни фиги себе – прям Букингемский дворец», – сказала она тогда. Алекс улыбнулась. Ну уж и дворец.

«Вообще-то, я люблю шлюх, ма», – сказал ей Фабиан. Господи боже, он временами становился таким жутким снобом, а потом делал что-нибудь совершенно не отвечающее его характеру. Например, привозил на Рождество в дом эту девушку и обхаживал ее, словно

играл в какую-то игру. Кэрри вовсе не была дурочкой, это Алекс точно знала. Чем же Кэрри занималась в Кембридже? Кажется, была репортером какого-то странного левого журнала, вроде бы связанного с экологией. Однажды, когда Алекс с Фабианом ехали по Стритаму, он показал ей мрачный высотный комплекс муниципального жилья и гордо сообщил: здесь живет мать Кэрри.

Внезапно со стороны лобового стекла раздался резкий скрежет; Алекс вздрогнула от неожиданности. По быстрой полосе¹² ее обогнал автомобиль, бросив на стекло струю воды и на миг ослепив. Потом снова раздался скрежет. И опять.

Когда «дворники» согнали со стекла муть, Алекс в ужасе уставилась перед собой. Застрав под «дворником», по стеклу туда-сюда моталась неведомо откуда взявшаяся красная роза.

¹² Быстрая полоса – выделенная полоса для оплаты проезда с помощью транспондеров.

9

Остановившись на аварийной полосе, Алекс вышла из машины под хлесткий ветер и проливной дождь. Почти вплотную к ней прогрохотал грузовик, струя воздуха прижала ее к двери «мерседеса». Наконец она пробралась к капоту, протянула руку. «Дворники» снова пришли в движение: скрежет стебля розы по стеклу пробивался даже сквозь вой ветра и шум движения на дороге. Алекс ухватила за рычаг «дворника» и выхватила из-под него цветок. Больно укололась о шип и выругалась, отпустила рычаг, и «дворники» снова сердито прошлись по стеклу. Мимо промчался еще один грузовик, совсем близко к ней; поток воздуха пытался увлечь ее, потом ее обдало струей воды, как волной прибоя. Алекс запрыгнула в машину, захлопнула дверь, спасаясь от буйства стихий, включила свет в салоне.

Роза была красная – красная, как кровь, что сочилась из ее пальца. Алекс сунула палец в рот. Посмотрела сквозь окно на дождь, на дьявольские огни, проносящиеся мимо, прислушалась к реву и завыванию, затихающим в темноте.

Потом посмотрела на розу. Кто-то выкинул ее из машины или оставил лежать на кузове грузовика и она свалилась оттуда? Или... Но нет, это было невозможно. Просто совпадение, и не что иное, без всякой уверенности убеждала она себя. Алекс сидела, дрожа, ей хотелось выкинуть розу туда, откуда та появилась, но она не смогла себя заставить, а поэтому положила цветок перед рукояткой переключения передач и медленно, робко тронулась с места.

Войдя с розой в дом, она остановилась в темном коридоре. Дверь не закрыла – не хотелось. Алекс не знала почему, но ей хотелось сохранить связь с внешним миром.

Алекс еще раз пососала палец – он продолжал болеть, – потрогала влажный свежий стебель. Часть лепестков осыпалась. Пройдя в гостиную, Алекс сунула розу в вазу к другим, присланным Фабианом на ее день рождения. Среди прочих та бросалась в глаза благодаря своей свежей яркости – остальные подвяли, умирали или уже умерли, но у Алекс не хватало духу их выкинуть.

Раздался громкий хлопок – ветер ударил входной дверью о стену. Потом еще один – и дверь закрылась, словно ее в бешенстве толкнула невидимая рука.

Чемодану придется полежать в машине до понедельника, когда она попросит Мимсу помочь ей. Алекс прошла на кухню, чтобы включить обогреватель, но с удивлением обнаружила, что он включен и оставался включенным целый день, судя по таймеру. Она вдруг заметила, что видит пар от собственного дыхания. Снова выдохнула, озадаченная, потом потеряла холодные руки.

Наверху происходило какое-то движение – скрипнула пружина или половица. Алекс замерла, прислушалась. Холод проникал ей под кожу, заставлял дрожать; она поджала пальцы на ногах, напрягая слух. Потом раздался еще один удар, зажурчала вода в трубах, бойлер произвел два громких хлопка и выключился. Она выдохнула – вот ведь идиотка. При включенном отоплении дом всегда производит странные звуки.

Налив воды в чайник, Алекс прошла в гостиную, бросила еще один тревожный взгляд на розу и включила телевизор. Аудитория в студии разразилась аплодисментами, а камера прошла по сияющим лицам. Знаменитости шоу-бизнеса второго эшелона участвовали в викторине, из кожи вон лезли, чтобы казаться веселыми. Камера переключилась на холеного телеведущего, держащего микрофон перед лицом брюнетки, которая ворочала языком за щекой. Несколько секунд Алекс в досаде смотрела на экран. Передачу выдумал один из ее клиентов. Критики называли ее банальной безвкусицей, деградацией, и по заслугам. Однако передача шла вот уже четыре года.

Расслабиться Алекс не могла – было слишком холодно. Она вскочила на ноги, подошла к розам, понюхала новую, легонько погладила ее пальцем.

Она подумала о чемодане Фабиана на переднем сиденье «мерседеса». И зачем ей понадобилось тащить его одежду? На мгновение ее обуяла тревога: а если чемодан украдут? Потом она пожала плечами: ну, украдут, так, может, оно и к лучшему.

Если бы Дэвид был здесь, то принес бы чемодан. Алекс пожалела, что никак не может проглотить свою гордость и попросить его приехать. Она снова, дрожа, потерла руки, и ей стало грустно, захотелось побыть с Фабианом. Обнять его, прижать к себе. Захотелось, чтобы он вошел в дверь и сам распаковал свой чемодан.

Она поднялась в его комнату. Здесь, казалось, было еще холоднее, чем во всем доме. Неужели Мимса выключила радиатор? Алекс положила на него руку и тут же отдернула: о него можно было обжечься. Она посмотрела на медный телескоп, на постеры на стене, потом на картину, почти что ожидая реакции, хоть какого-то шевеления. Но ничего такого не случилось – на нее взирал холодный, надменный взгляд. Она опустила под картиной на колени, зарылась лицом в ладони. «Я люблю тебя, дорогой. Я надеюсь, там, где ты сейчас, с тобой все хорошо. Я тоскую без тебя. Хотелось бы мне знать, тоскуешь ли ты без меня. Береги себя, дорогой, где бы ты ни был. Господи, пожалуйста, храни Фабиана». Некоторое время она оставалась на коленях, потом медленно поднялась с чувством умиротворения.

Она вышла из комнаты, тихонько закрыла за собой дверь, остановилась в коридоре, зажмурилась. «Спокойной ночи, дорогой», – сказала она. А когда открыла глаза, они были полны слез. Тогда она села на верхнюю ступеньку и зарыдала.

Потом вспомнила избитое лицо Отто и подумала: каким образом его выбросило из машины? Что могло случиться в момент столкновения? Как реагировал Фабиан? Какие мысли промелькнули в его голове? Что представлял собой водитель другой машины? Как он мог совершить такое? Эти вопросы возникали, словно выписанные яркими зелеными буквами на черной пустоте. Что чувствует Отто, будучи единственным выжившим? Почему так странно себя ведет? От него ее дрожь пробирает. Что он знает? Какой-то секрет про Фабиана? Может быть, все это сфабриковано, какая-то отвратительная шутка? Может быть, они с Фабианом, смеясь и пританцовывая, сейчас появятся в доме, пройдут мимо нее в его комнату и запрут дверь... и что будут делать? Наблюдать за звездами? Заниматься любовью?

Внизу послышался громкий смех, потом аплодисменты и голос, неразборчиво говорящий что-то. Алекс ощущала покой, грусть, и еще ее охватило непреодолимое стремление к доброте. Она подумала о Дэвиде – он сидит сейчас один в своем фермерском доме с собакой и овцами, усталый, одинокий, подавленный. Она пошла в свою комнату и набрала его номер.

– Дэвид? – сказала она, когда он снял трубку.

– Как ты?

Голос его казался довольным. Алекс с грустью отмечала: когда бы она ни позвонила, он отвечал ей довольным голосом, а ей иногда хотелось, чтобы тот звучал рассерженно, чтобы мужа что-то тревожило, отвлекало – что угодно, лишь бы она не чувствовала вины за свои поступки.

– Просто хотела сказать тебе «привет».

– Чем занималась?

– Ездила сегодня в Кембридж – наводила порядок в комнате Фабиана.

– Спасибо, что взяла это на себя. Наверно, тебе было нелегко.

– Ничего. Вот только у меня одна проблема.

– Какая?

– Не могу вытащить его чемодан из машины.

В ответ раздался смех:

– Хочешь, чтобы я приехал и помог?

– Не говори глупостей.

– Я не против... могу приехать сейчас, если только... – Он продолжил более тихим, взыскующим голосом: – У тебя свидание?

– Нет, у меня нет свидания.

– Тогда я приеду сейчас. Приглашаю тебя на обед.

– К чему тебе тащиться в такую даль?

– Буду у тебя через час-полтора. Это лучше, чем разговаривать с овцами.

Алекс повесила трубку, злясь на себя, на собственную слабость. Зачем подавать Дэвиду надежду, допускать дальнейшее нагноение раны? Парок изо рта испугал ее. Несколько секунд она разглядывала облачко, даже подумала, что это дым сигареты. Но она не курила. Она смотрела на облачко, густое, тяжелое – настолько тяжелое, что Алекс чуть ли не видела кристаллики льда, когда оно проплывало перед ее глазами. Внезапно ей снова стало холодно. Почти невыносимо. Казалось, что-то пробралось в комнату – что-то неприятное, зловещее. Что-то очень сердитое.

Она встала, вышла в коридор, потом в кухню, но это чувство не оставляло ее. Руки тряслись от холода так сильно, что она уронила на пол пакетик чая. Потом снова услышала стук наверху – на сей раз другой, не похожий на звук бойлера. Широкими, уверенными шагами она прошла из кухни по коридору, через входную дверь на улицу, в оранжевое сияние фонарей.

Дождь прекратился, но ветер оставался сильным. Правда, он потеплел и теперь обволакивал ее, как пуховое одеяло. И она медленно пошла по улице, кутаясь в него.

* * *

Сначала долетели гудок и урчание двигателя, а потом неожиданно – запах свиного хлева, такой странный и чуждый в центре Челси. Оглянувшись, Алекс увидела заляпанный грязью «лендровер». Дэвид высунул голову в открытое окно:

– Алекс!

– Как ты быстро! – Она удивилась. – Я думала, приедешь только в девятом часу.

– Сейчас половина девятого.

– Половина девятого?

Нахмурившись, Алекс взглянула на часы. Нет, невозможно. Ведь она говорила с ним всего пару минут назад. Ее пробрал озноб. Что происходит?

– Что ты делаешь на улице без пальто?

– Вышла подышать свежим воздухом.

– Садись.

– Тут есть место припарковаться... поставь машину, ближе к дому все равно ничего не найдешь.

Он кивнул:

– Да, вечер субботы, я уже начал забывать.

Она смотрела, как он задом сдал машину на свободное место, потом вышел.

– Ты не собираешься ее запирать?

– Я разучился запирать машину.

Он поцеловал ее, и они двинулись по дороге к дому.

Сколько же времени она бродила тут вокруг? Ну не полтора же часа. Этого просто не может быть.

– Смотрю, ты совсем замерзла, – заметил Дэвид.

– Я... мне... стало жарковато в доме... перегрелась. Давай достанем чемодан... вон моя машина.

Она поплелась к дому, сутулясь под тяжестью переживаний. Раздался треск – чемодан ударился о стену.

– Осторожнее, – раздраженно сказала она.

– Извини.

Они поставили чемодан, и Дэвид закрыл дверь. На ковре Алекс заметила сухую лепешку.

– Бога ради, Дэвид, ты натащил в дом грязи! – закричала она, неожиданно разъярившись.

Он сконфуженно покраснел, будто был совершенно посторонним в этом доме, нагнулся, развязал шнурки на ботинках.

– Извини, – робко пробормотал он. – Там у меня сейчас грязновато.

Тут же пожалев о своей вспышке, с виноватым видом Алекс смотрела, как он, согнувшись, снимает ботинки. Потом принялась разглядывать его выцветший свитер с высоким горлом, потрепанный твидовый пиджак с заплатами вкривь и вкось, бесформенные вельветовые брюки. В его бороде виднелись седые пряди, а лицо покраснело от постоянного пребывания под солнцем. При виде этого мужчины в серых шерстяных носках, с выпиравшими здоровенными пальцами трудно было представить, что когда-то он тщательно следил за своим видом, носил только шикарные дизайнерские костюмы, шелковые рубашки, кожаные туфли от «Гуччи», ездил в «фerrари», любил зайти с утра в «Трамп», приветствовать Джонни Голда и всех других официантов по имени.

– Ты права, – сказал он, – тут жарко. Невероятно жарко. Как ты? – Он наклонился, чтобы поцеловать ее, споткнулся и чуть не упал. – Опа.

Она почувствовала щетину его усов, запах алкоголя, его язык, который он при этом попытался пустить в ход, и отшатнулась.

– Дэвид, – укоризненно сказала она.

– Я всего лишь поцеловал жену.

– Неужели тебе обязательно напиваться, перед тем как приезжать ко мне?

Он смущенно помялся.

– Если бы тебя остановила полиция, ты бы влип. Хочешь кофе?

– Я бы предпочел виски.

– Думаю, ты уже достаточно выпил.

Господи боже, зачем было вызывать его? Теперь Алекс чувствовала себя виноватой и хотела, чтобы он уехал. Он был ей не нужен, ей никто был не нужен. Она ошиблась, поддалась игре воображения. Ведь так? Но она хотела убедиться. По крайней мере, ей стало спокойнее, когда рядом появилось другое существо. Во всяком случае, она чувствовала себя в безопасности.

Она приготовила кофе, принесла в гостиную. Сердито выхватила из руки Дэвида стакан с виски.

– Выпей это; ты мне нужен трезвым. Нам надо поговорить.

– Я могу переночевать здесь.

– Нет, это ни к чему.

– Это мой дом.

– Дэвид, мы же с тобой договорились.

Он посмотрел на кофе и сморщил нос. Господи боже, подумала она, он и в самом деле стал похож на одного из краснолицых буколических фермеров с книжных иллюстраций. Как человек может так быстро измениться? Всего за пару лет. Или он менялся гораздо дольше, просто она не замечала? Он здесь был чужаком, безнадежно выбившимся из этой атмосферы. Ей приходилось прилагать все усилия, чтобы вспомнить, что именно Дэвид обу-
страивал этот дом, здесь во всем виден его вкус, здесь его мебель, его любимые цвета. И

в то же время она чувствовала себя с ним в безопасности, словно в присутствии большого неуклюжего медведя.

Она присела рядом на подлокотник кресла, пытаясь привести в порядок мысли, успокоить чувства. Дэвид с шумом прихлебывал кофе. Она виновато крутила в руках стакан с виски, потом тихонько поставила рядом с ним.

– Тебе это может показаться странным, но мне сдается, что Фабиан все еще где-то здесь.

– Где-то здесь? – Дэвид посмотрел на нее и нахмурился.

– Да.

– Ты хочешь сказать, что не считаешь его умершим?

Алекс взяла сигарету, предложила ему пачку. Он отрицательно покачал головой и вытащил из кармана табакерку.

– Я был в морге. Провел шесть ужасных дней во Франции с телом моего сына... нашего сына.

– Но ты его не видел?

– Нет, слава богу, этого не потребовалось. И в любом случае мне бы не позволили – сказали, что он слишком сильно...

Алекс пробрала дрожь.

– Дэвид, я знаю, что он мертв. Но я... не знаю... я вроде как чувствую его присутствие.

– Ты всю жизнь будешь его помнить... мы оба будем его помнить, и это естественно.

– Ты не думаешь, что твой сон в то утро, когда он погиб... и твой, и мой... ты не находишь в этом ничего странного?

Он открыл табакерку, вытащил папиросную бумагу. Она смотрела на его неловкие руки, желтые пальцы, грязные ногти.

– Совпадение. Может, телепатия; у моей матери случилось что-то подобное во время войны, в тот день, когда убили отца. Она клялась, что видела его – он сидел под живой изгородью в конце дорожки. Она ходила к медиумам, в доме устраивались сеансы, и она заявляла, что регулярно разговаривает с ним.

– И что он говорил?

– Ничего особенного. Дескать, там, где он, тоска смертная. В этом-то и вся проблема: покойники не могут сказать ничего интересного.

Он облизнул кончик бумаги – самокрутка была готова.

Дверь вдруг приоткрылась, и Алекс подпрыгнула. Сердце у нее бешено заколотилось. Дверь сдвинулась еще; по позвоночнику Алекс пробежал холодок. Шелохнулась портьера.

– Ты открыл окно?

– Да.

Волна облегчения накрыла ее, словно тепло ванны.

– Ты как комок нервов, – сказал Дэвид. – Тебе нужно отдохнуть. Съезди куда-нибудь.

– Сейчас никак не могу. Нужно закрыть две очень важные сделки.

– Поезжай ко мне в шато Хайтауэр... У тебя будет своя комната. Можешь приезжать-уезжать, когда тебе заблагорассудится. Там спокойно... а сделки свои можешь заключать и по телефону.

– Ничего, пройдет.

– Если надумаешь – в любое время. Буду рад.

– Спасибо. – Она улыбнулась. – Может быть. – Задумалась, наклонилась, погладила стакан. – Хочу показать тебе кое-что.

Алекс повела Дэвида в проясочную, взяла бумагу со столика, недоуменно уставилась на нее – та представляла собой сплошную мешанину белого и серого. Тряхнув головой, Алекс взяла негативы и положила на треснувшую пластмассовую столешницу, включила

подсветку. Ничего. На них ничего не было. Абсолютно ничего. Словно их и не экспонировали.

– Ты не выдержала их в закрепителе, – сказал он.

– Не смеши меня – конечно выдержала.

– Значит, раствор у тебя был слишком старый, весь выдохся. У тебя негативы не до конца проявлены. Что на них было?

– Вот в этом-то все и дело. Эти фотографии мне прислал клиент – целую пленку... он немного эксцентричен... это были фотографии гениталий какого-то животного.

Она заметила на себе испытующий взгляд Дэвида и зарделась.

– Он знал, что я увлекаюсь фотографией. Так вот, я их проявила, сделала контактные отпечатки – все получилось прекрасно. Я повесила их сушиться, а когда пришла посмотреть, то на одном кадре увидела лицо Фабиана... Оно просто само там появилось.

Дэвид посмотрел на нее, пожал плечами:

– Двойное экспонирование.

– Нет. – Она отрицательно покачала головой. – Исключено.

– Этот твой клиент – он знал Фабиана?

– Нет. У него не было никаких причин фотографировать Фабиана. Да и на негативе ничего такого не было.

– Ты хочешь сказать, что ничего не заметила на негативе?

– Нет, на негативе этого не было.

– Ты уверена, что тебе это не привиделось?

Она снова покачала головой.

– Алекс, понимаешь, ты сейчас очень взволнована...

– Мое волнение тут ни при чем, – отрезала она. – Господи боже, ты что хочешь делать? Отправить меня в психушку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.